

Татьяна
ДАГОВИЧ

Лауреат «Русской премии» 2016 года

ПРОДОЛЖАЯ ДВИЖЕНИЕ ПОЕЗДОВ

Повесть
и рассказы

Самое время!

Татьяна Дагович

Продолжая движение поездов

«WebKniga»

2018

Дагович Т.

Продолжая движение поездов / Т. Дагович — «WebKniga»,
2018 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1754-9

Сузанне переезжает из отеля в отель, хотя не знает, с кем играет в прятки. Патрик сходит на чужой станции и теряет высокооплачиваемую работу. Катя навещает подругу, чтобы заглянуть за шторку смерти. Нина делает вид, будто она – другая Нина. Марко перемещается в сны. Мария учится просыпаться. Влюбленные живут долго и счастливо. Бог кивает с неба. Место действия: города в разных странах и пространствах, соединенные железнодорожными путями. «Продолжая движение поездов» – книга о вечном поиске: себя, дома и чуда.

ISBN 978-5-9691-1754-9

© Дагович Т., 2018

© WebKniga, 2018

Содержание

Светлана Киршбаум. Будничность перемен	6
Продолжая движение поездов. Повесть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Дагович
Продолжая движение поездов

© Татьяна Дагович, 2018

© «Время», 2018

* * *

Светлана Киршбаум. Будничность перемен

Считается, что нужно найти какого-то своего, единственного, предназначенного тебе человека. Не совсем ясно только, должны ли мы получить его уже в готовом виде? Вот он – сделанный специально для тебя, получи и пользуйся. Или же нужно терпеливо утруждать себя археологическими раскопками, снимать один культурный слой за другим, очищать его от вековой пыли, не зная, что там, Троя или пара глиняных черепков. А может быть, даже таблички на каком-нибудь допотопном языке, которым, несомненно, цены нет, но которые ты точно никогда не прочитаешь. И Троя, и черепки, и таблички – самодостаточны, независимо от того, в чьих они руках. А мерить человека рядом своей собственной меркой – это все равно, как если бы археолог сказал: я не могу прочитать эти таблички – следовательно, они плохи... «Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» – это хорошо только для красного словца. Не по-своему, а вполне себе согласно схеме. И весь роман Толстого лишнее тому доказательство. А вот поэт Сергей Шестаков предлагает другой вариант: «и неважно, чья легла на плечо рука, лишь бы чья-то была, лишь бы только вместе». Вот! Ключевое слово здесь – вместе! Не рядом, а именно вместе. Может, в этом дело и какой-нибудь смысл. Так или иначе этот вопрос интересует и Татьяну Дагович. Что происходит, когда люди встречаются или расстаются? Какие геологические и исторические пласты приходят в движение, какие головокружительные пропасти засыпает землей, какие ледники сходят с недостижимых вершин? Жили душа в душу – так сейчас не говорят... (и не живут?) А как сейчас говорят/живут?

Случайный попутчик из повести «Продолжая движение поездов», с которым непонятно что, любовь – не любовь. Продолжая движение поездов – что это? Незаконченность действия? Инерция? Или попытка продвинуться немного дальше конечной станции?

Семейная пара из рассказа «Жительница». Жили, не мешая друг другу, «мирно и хорошо». А кто же тогда эта жительница? Это плод воображения или она действительно существует? Магический реализм – это когда странные вещи становятся реальностью и перестают удивлять. Мы очень любим сказки. А еще мы очень запутались, и любая реальность, даже собственная, все время кажется нам чьей-то выдумкой.

Две подруги из рассказа «Две тысячи первый, ноябрь, уикенд». Зачем фиксировать конкретную дату? Чувства нельзя разбить на часы и минуты. Или можно? С понедельника перестаю (или начинаю) чувствовать.

Девушка и писатель из «Регенерации солнца». Солнце существует отдельно от нас. Но когда оно есть, нам тепло и светло. А что мы ему можем предложить?

Разные люди – разные истории. Бывает, что из случайных, бесперспективных отношений рождается новая жизнь. А бывает такое отчуждение между родными людьми, что даже трагедия уже не сближает. Можно представить, что для чужого человека нашлось бы больше сочувствия. Так устроен человек. Все в нем соседствует: жалость, любовь, ненависть, равнодушие. Легче вернуться в пустой брошенный дом, чем к покинутому однажды человеку. Вот этот момент удачно ухвачен в книге, бывшие родные становятся чужием незнакомцев на улице. Любовь, свобода – это как здоровье. Если оно и есть, то во всяком случае – не навсегда.

И вот герои всё мучаются, всё хотят чего-то понять. Только не знают, что именно. И никак не хотят смириться с потерями. Тютчев это знал. «Душа моя – Элизиум теней». Все ушедшее не кончается, не уходит окончательно. С возрастом теней набирается достаточно. Они роятся, мешают друг другу. И в прошлое не хочется возвращаться, и без прошлого плохо. Ни у одного из героев не получается дистанцироваться от воспоминаний. Но у некоторых получается помочь другому с его прошлым. Как у того, который согласен искать чужой дом. Или у той, которая помогла малознакомому по сути человеку исправить его ошибку. «Его дело урегулировано», – говорит она в конце. И тем самым ее дело урегулировано тоже.

Имеет ли тема оставленного дома биографические корни? Татьяна Дагович ведь и сама переехала когда-то из крупного украинского города в маленький немецкий. Уж очень хорошо у нее получается зафиксировать этот момент или даже миг смены одной жизни на другую, почти незаметный невооруженным глазом. Она как бы дает нам понять: большие перемены носят очень будничны́й характер, и вместе с тем в будничности скрыты знаки торжественности и будущности:

«На рассвете, сонная и тихая, Марта вышла. Выкатила один из чемоданов. Сережа запер дверь на оба замка, чего раньше они никогда не делали, его связку отдали Наталье Семеновне и уехали в эмиграцию».

Дело оказывается всего лишь в лишнем повороте ключа, и обыденная ситуация принимает экзистенциальный вид.

Зачем мы читаем о чужой жизни? Своей, что ли, недостаточно? Или, может быть, хочется посмотреть на себя со стороны? Мы привыкли, что остранение – это литературный прием, и совсем не пользуемся им на практике. Сделать знакомые вещи и моменты чужими и осознать (и полюбить) их заново. А пока мы так не умеем, читаем литературу. Вдруг автор предложит какое-нибудь более интересное решение, этическое и эстетическое, и станет немножко легче жить...

Продолжая движение поездов. Повесть

I

Всегда немного нервничала, когда приходилось собирать вещи, особенно если покидала какое-то место навсегда – номер в отеле, съемную квартиру, палату в больнице (дом, родину и так далее). Важно ничего не оставить – в этой установке больше страха сделать себя уязвимой через вещи (если забыть упаковку тампонов, записки на клочках бумаги или таблетки), чем страха лишиться вещей. Лишиться вещей – это не ее фобия, многие вещи и сейчас приговорила: сложила в полиэтиленовый пакет, чтобы вынести, ступая по красной бархатной дорожке отеля (никто не подозревает, что в пакете – мусор). Выйти под дождь, раскрыть зонтик, свернуть в переулок, рассортировать содержимое пакета по мусорным бакам, подписанным немецкими словами – макулатура, стекло, пластик... Делать вид, будто нет неудобства в этой сортировке одной рукой: во второй, на которой висит пакет, – зонтик. Делать вид, будто она из дома, к которому относятся баки.

Затем вернуться, улыбнуться слишком гладко выбритому администратору за стойкой и сказать: «Да, кстати, я через пару часов уезжаю, можно сейчас расплатиться? Я кое-что брала в мини-баре». Молодой человек вежливо и доброжелательно улыбнется в ответ, примет деньги, пожелает счастливого пути, и ему не покажется странной ее отлучка, как уборщице не покажется странной чистота в оставленной комнате и пустое мусорное ведро. Какое им, собственно, дело?

Сузанне так привыкла.

Вернулась в номер. Заперлась: пока что, все еще – это ее пространство. В чистой комнате, которую от оставшейся без постояльцев отличали только чемодан и рюкзак у выхода, села на кровать. Кровать пружинила, она покачивалась, как в детстве, играя. Улыбнулась. Бросила взгляд в окно – не прекратится ли дождь, отъезд во время дождя – особое испытание: выйти из дверей отеля, выкатывая чемодан и прикрываясь зонтом, добираться до вокзала под струями. Она любила уезжать в дождь.

В дверь постучали. Подняла лицо на стук – неожиданный, потому что шагов к двери не слышала. Горничная? Забыла вывесить табличку «не тревожить». На цыпочках подошла к двери и остановилась, ожидая, что постучат еще раз. Больше не стучали. Подождала какое-то время, потом вернулась.

В интерсити-экспрессе Сузанне досталось место у окна. За забрызганным стеклом приближались, потом удалялись кукурузные поля, перелески и изредка одинокие фахверковые дома, сурово-аккуратные, с густыми садами и небольшими прудами. Типичные пейзажи для этих мест. Место справа долго оставалось пустым – к ее облегчению. Физически ей дополнительное место не было нужно – при ее телосложении она могла максимально комфортно и расслабленно устроиться на одном сидении, но психологически ей так было легче. Сузанне читала книгу, иногда взгляд отрывался от страниц и свободно блуждал между окном и проходом в центре вагона. Однако на одной из длинных остановок соседнее место заняли, и теперь, если глаза уставали от букв, она могла смотреть только в окно.

Около шести вечера тот же мужчина постучал в дверь номера на четвертом этаже, но ему снова не открыли. Спустился – за отельной стойкой никого не было. Легонько ударил костяш-

ками пальцев. Виновато улыбаясь, вышла девушка-администратор – оттенок волос, выбранный для нее парикмахером, идеально соответствовал униформе.

– Чем я могу вам помочь? – спросила вежливо.

– Номер четыреста пять... там никого нет, вы не подскажете – может, его уже освободили?

Он сомневался, что девушка имеет право отвечать ему – защита личной информации и прочее, а он даже не знал фамилии Су, чтобы сделать вид, будто она его близкая родственница или коллега. Но девушка проверила в компьютере и сказала:

– Да, уже освободили.

– Спасибо.

Ее зовут Су, думает он, выходя из отеля. Вот и все, что известно. И легкий акцент. Получается, уехала не попрощавшись. Не то чтобы обидно. Между ними не было ничего сверхъестественного – два очень приятных вечера, пара бокалов вина. Даже не то чтобы слишком невежливо с ее стороны – ну, пора человеку уезжать и некогда разыскивать случайных знакомых. Она много рассказывала о себе. Есть люди, которые охотно рассказывают о себе. Теперь он знает много забавных и серьезных историй из ее жизни, но не знает, ни куда она уехала, ни откуда приехала, ни чем занимается. Интереснее другое: аккуратность и дисциплинированность, с которой Су, рассказывая много и охотно, не сказала ни слова о себе. В каком городе она живет, например? Та же дисциплинированность, с которой она брала презерватив: не навязчиво, но не в последний момент, как обычно случается, а в самом начале.

Все-таки странно. Акцент? Нет, не только акцент. Еще разрез глаз. Сначала думал, что азиатка, но для азиатки слишком высокая, и волосы совсем другие – русые, слегка выющиеся. Вспоминает, как по ее голому телу пробежали лучи синего света – под окнами стояла машина скорой помощи. Нет, какая азиатка – глаза не азиатские, просто поставлены под странным углом. Сразу не заметишь. Но что-то странное в лице. Даже неестественное. Однако не отталкивающее. Не так, как после неудачной подтяжки, – скорее, как из неизвестного народа. Позже выглянул в окно и не увидел ни машины скорой помощи, ни полиции, а синие лучи продолжали скользить по ее животу. Курьезная история.

Равномерный гул поезда навевал сонливость, буквы в книге становились все прозрачнее. Внезапно к ней обратились:

– Простите...

Преодолев мгновенное неудовольствие, Сузанне повернулась к соседу. Это был мужчина лет сорока, обычный, светловолосый, несколько растрепанный и обеспокоенный поездкой.

– Вы не знаете, будут ли разносить кофе? Или нужно идти в вагон-ресторан?

– Будут, – сказала она. – Я думаю, что будут, по крайней мере разносили уже один раз.

– Сейчас мне необходимо выпить кофе. Теперь. Наконец-то. Вообще, это не мой поезд, мой поезд опаздывает на четыре часа, и они предложили мне ехать этим. Все планы коту под хвост... Я опоздаю на автобус. Жаль, что решил ехать поездом, машиной был бы уже на месте. Поленился. И пробки, пробок испугался.

– Понимаю, – сказала она, удивляясь, что разговор не раздражает. – Поезда часто опаздывают, вообще это, конечно, свинство. Они должны компенсировать хотя бы часть стоимости билета.

– Да, нужно будет этим заняться позже, – согласился попутчик. – Никуда не годится – теперь всю дорогу заново приходится планировать. На приветствие и коктейль я уже не попадаю...

Сузанне снова отпустила глаза к книге, буквы которой снова почернели. Маленький разговор не выбил ее из колеи, не доставил неудобств, но в то же время не развлек. «Странно», – подумала она, хотя здесь не было ничего странного. В последнее время все чаще ловила себя

на безразличии. Она могла беседовать или не беседовать. Выпить бокал вина или не выпить бокал вина. Встретиться с кем-нибудь или провести вечер с книгой. Не радовало и не огорчало, не баловало, но не мешало. «Может, это признак возраста, я становлюсь старше». Мысль не обрадовала и не огорчила. «Все основное уже попробовала. Важно иметь определенную свободу, а остальное – как сложится». Но некие предпочтения остаются. Например, она любит уезжать в дождь, хотя это доставляет массу неудобств.

Захлопнула книгу, какое-то время смотрела на синюю обложку. Решила поработать, пока есть возможность, в пути ей всегда работалось лучше, чем в неподвижной комнате. Включила ноутбук.

Через полчаса, отметив, что попутчик, успокоившийся в не своем поезде, в ее сторону больше не смотрит и попыток завязать разговор не повторяет, Сузанне сначала осторожно, короткими взглядами исподтишка, потом смелее, потому что взгляды не пересекались, стала разглядывать его.

Обычные черты лица, прическа, одежда – впрочем, не джинсы с курткой, но костюм и плащ, однако и эта униформа в скоростном экспрессе смотрелась вполне органично – наверняка впереди у него важная деловая встреча, отель (разумеется, не трехзвездочный) и далее по списку. Под сидением небольшой, но отличный (в этом Сузанне разбиралась) чемодан. Крайне обычный пассажир, по ошибке попавший в вагон второго класса вместо первого.

Единственное, что не соответствовало стандарту, – его левая рука. На безымянном пальце белел ободок – не кольцо, а оставшийся незагоревшим след от обручального кольца. Хотя попутчик не выглядел только вернувшимся с моря – слишком бледный. След довольно широкий – на кольцо в свое время ушло много (скорее всего, белого) золота. Пальцы ей нравились – длинные, худоватые, так что слегка выпирали суставы. Одинаковой формы, ухоженные, матово блестящие ногти, удлинненные от природы (не выходящие за пределы пальцев, как у женщин с маникюром, но низко начинающие расти). Сузанне непроизвольно сжала пальцы, пряча свои ногти, подстриженные не совсем ровно и не подпиленные до правильной формы. Она подстригла их позавчера, за работой, когда заметила, что отросшие ногти мешают. Собиралась позже привести в порядок, но забыла. Когда попутчик задремал и расслабленная кисть руки раскрылась, Сузанне увидела шрам, проходящий через всю ладонь, от основания безымянного пальца к запястью. Он прорезал линию жизни и не давал рассмотреть, как все продлится и чем закончится.

«Почему он не сделал пластику?» – подумала Сузанне и удивилась своей мысли – зачем, на ладони-то? Просто шрам совсем не подходил к аккуратному пассажиру. Где он его приобрел? Занимаясь экстремальными видами спорта? Альпинизм отменяла сразу, скорее дайвинг. Или работа в саду – такие любят все делать сами, с помощью дорогой техники, купленной в специализированных магазинах, – вместо того чтобы нанять пару мигрантов. Женщина с желтыми волосами шла по проходу, Сузанне стало неловко, что она откровенно разглядывает спящего, поэтому отвернулась к окну и тоже задремала, сразу попав в конфетные полусны.

Конфеты рассыпаны на земле. Конфеты и рис. Были еще монетки, но монетки дети быстро собрали (Сусанке как самой маленькой не досталось, отчего теперь печет в горле обида), а к конфетам только присматривались, отыскивая те, что получше. Здесь была свадьба. Но свадьба уехала, молодые лишь ненадолго зашли в невестин дом после росписи, а сейчас все отправились в ресторан, оставив во дворе эхо криков, рис и печальную пустоту. Дети втаптывают рис в пыль, на корточках сортируя конфеты на сосательные и редкие шоколадные.

«А платье какое!» – шепчет Сусанка, тоже в платье – в застиранных вишнях. У нее в глазах стоит пара: стройный молодой жених и невеста с фатой – еще моложе, черноволосая, с круглым личиком куколки. И платье: белое, все блестящее, оно сбегает с плеч, туго обтягивая талию, а дальше течет пышным воланом до самых белоснежных каблучков.

Янка только хмыкает, засовывая за щеку шоколадку. У Яны тоже платье – слишком короткое, в красный горох, задерганное. «Дуреха, и все», – говорит Янка про невесту – потому что так говорила тете Люде мама. И добавляет для убедительности: «С размалеванной рожей». Этого мама не говорила, или, по крайней мере, не по поводу свадьбы. Лицо невесты, так понравившееся Сусанке, и на самом деле плыло немножко отдельно от самой невесты, как рисунок. Сусанка даже предположить не может, что за этим нарисованным лицом скрывается соседка, которую она видела довольно часто, но на которую до сих пор не обращала внимания. «И платье у нее б/у, на новое у них денег нет», – не понимает Янка.

Сусанка застывает. Ей жаль, что Яна не видела красивую невесту. Мальчишки перекрикиваются с другой стороны двора. Яна старше, поэтому, сидя на корточках, она держит колени плотно сжатыми, а Сусанка еще не знает, что мальчикам интересно смотреть на трусы, – то есть что-то такое слыхала, но ей казалось слишком нелепым, чтобы верить. Девочки рассказывают много нелепого, нельзя всему верить, говорит бабушка, когда заплетает ей волосы. Сверху дети выглядят как стая воробьев, клюющих крошки. Су смотрит на них сверху. Через забрызганное стекло поезда.

После дремы, проносящей сны как неподвижные пейзажи за мутным стеклом, Сузанне ушла в настоящий глубокий сон и теперь, проснувшись, упрекала себя за безалаберность. Дрема нередко накатывала на нее в поездках, но через дрему всегда подкладкой просвечивала реальность, а сейчас попутчика рядом не было, и она не помнила, как он встал. Оставлять себя и свои вещи на милость незнакомых людей в вагоне! Заглянула в рюкзак, все важные мелочи – билет, удостоверение личности, деньги – оставались на месте, как и ноутбук. Проверка была игрой: вряд ли она спала настолько крепко, чтобы не почувствовать, как дотрагиваются до коленей, к которым был прижат рюкзак. Так крепко она не спала никогда. Достала влажные салфетки и протерла лицо. Теперь сама отдала бы полцарства за чашечку кофе. (В оригинале царство, целое царство – все что имеешь, а не половина – запомни, звучит бабушкиным голосом.)

Отвернулась к окну, вдыхая запах кофе и шепот, ползущий по рядам. На соседнее сиденье сели, тревожно покосилась, но это был тот же сосед.

– Помогите мне... – попросил он. В его руках было два картонных стаканчика с кофе. Сузанне откинула свой столик, и попутчик поставил на него оба стаканчика. Объяснил:

– Один для вас.

Сузанне поблагодарила без лишней суеты, без фраз «не нужно было», «давайте отдам вам деньги» и взяла стаканчик. Кофе сквозь картон приятно грел пальцы, остывшие не от низкой температуры – в вагоне не было холодно, но от бесприютности. Сняла пластиковую крышечку и с удовольствием вдохнула насыщенный кофеином пар. В благодарность за этот пар и за тепло в пальцах спросила приветливо (без них никогда не обращалась бы приветливо к столь типичному представителю высшего среднего класса):

– Вы, наверно, едете в командировку?

– Да... – он растянул слово, не уверенный в своем ответе. – Пожалуй... Это симпозиум, у меня завтра доклад.

Так как он о симпозиуме больше не рассказывал, а трогательная забота о незнакомой попутнице стоила прояснения семейного положения, Сузанне в том же приветливом тоне спросила:

– Вы недавно развелись?

– А? – он бросил взгляд на свою руку. – Да, мы разошлись... Хотя я еще не развелся, это долгий процесс...

Су отхлебнула горячего кофе.

– А в чем причина?

- Она и детей забрала.
- Нашла себе кого-то?
- Нет. Просто ушла. Но она права. Я плохо знаю детей. Я все время работал.
- Это бывает.

Какое-то время молчали – Сузанне не знала, что еще сказать, и не была уверена, что улетучившийся кофейный пар стоит дальнейшей беседы. Но внезапно попутчик признался:

- Я бил ее...
- Ого. Не терплю мужчин, которые могут ударить. Я бы кастрировала таких сразу. Она в полицию не обращалась?

– Нет, отчего... – будто не заметил резкого высказывания Сузанне. – У Моники синяков не было, я не так... Я только пощечины. Я сам знаю, что это было неправильно. Но когда она начинала говорить, я не мог сдержаться. Во мне все закипало. Она говорила такие мерзкие вещи. И дети. Они тоже получали пощечины. Они тоже... По вам вижу, что у вас нет детей. Вы не знаете, какими дети могут быть мерзкими. Они смотрят на тебя наглыми глазами и ухмыляются. Я был беспомощен перед ними. Нет, я не жалею, хорошо, что они ушли от меня. Это были только пощечины, не больно. Но обидно. Я ее понимаю.

Говорил он с полуулыбкой, словно о каких-то мелочах, вероятно, как многие жители этой страны, считая, что в человеческом существовании ничего не нужно замалчивать – ни уродливого, ни стыдного, ни страшного, что все это – часть жизни, и обезопасить такие вещи можно, только спокойно о них разговаривая. С первым встречным. Сузанне это не нравилось, к тому же здесь явно был перебор с откровенностью.

– Я много раз раньше слышала, что в поезде незнакомым рассказывают подробности, которые скрывают от родных, но сама с таким сталкиваюсь впервые. Хотя поездами езжу постоянно. Знаешь, никогда в это не верила. Что не снимает с тебя ответственности, ты подонок, и это ясно. А что за симпозиум?

– По моему направлению, новые тенденции, перед докладом не люблю распространяться, прости. Вот после – пожалуйста. У тебя такой забавный акцент. Ты откуда? Я имею в виду, изначально?

– На симпозиум... Слушай. У тебя там отель оплачен, я так думаю? Но если хочешь – я сняла небольшие апартаменты в одном пансионе... Это бывшая ферма, на природе, за городом. Ехать на такси. Я думаю, мы там и вдвоем поместимся, ты мне мешать не будешь. Если хочешь на природе разобраться в себе...

- Ты что, смеешься?
- С чего бы? Что тебе этот симпозиум? Но ты подумай, мне еще сорок семь минут ехать. Он усмехнулся и пожал плечами, не совсем понимая, она шутит или всерьез.

Начал пить свой кофе, а ее стаканчик уже был пуст. Она запихнула стаканчик за столик и отвернулась к окну, в котором плыли твердые мокрые стволы и ветки с повисшими на них слабенькими осенними листьями и каплями. С чего вдруг заговорила так нагло? Она много времени проводила в одиночестве и была скорее сдержанной, молчаливой, но когда встречалась с другими людьми, такое иногда происходило: в ней будто просыпалась другая личность, болтливая, нагловатая. Что она несла? С другой стороны, разделить одиночество с кем-то – даже с разведенным садистом – не так уж плохо, когда находишься в этой стране в октябреноябре. Может, его следовало бояться, но она уже поняла, как с ним обращаться и как надо себя вести в случае чего. Дождь за окном усилился. Через сорок семь минут он сказал:

- На фиг симпозиум. Я иду с тобой, – и, не дождавшись быстрого ответа, добавил вежливо: – Если твое предложение остается в силе.
- О'кей, – сказала Сузанне. – Понесешь мой чемодан до такси, да?

Носить и возить чемодан всегда было тяжело, даже этот, удобный, на четырех колесиках. Недостаток кочевой жизни.

Через мелкий дождь быстро добрались до бывшей фермы среди лесов, урегулировали формальности с хозяйкой, поднялись по лестнице. Сузанне обрадовалась, что у нее снова есть крыша над головой, замена дому. Она любила наблюдать и фиксировать радость внутри себя и улыбалась искренне. Патрик (в такси назвал себя) был немного растерянным и удивленным, но старался скрыть это за деланной самоуверенностью, будто у него в привычке было садиться в чужие поезда и сходить на чужих станциях.

Выглянула в окно – поле, за ним лес. Место на самом деле безлюдное, до ближайшей деревни километр. В коридорах пансиона пахло старыми стенами и животными, которых на ферме давно не было. Хозяйка приняла их за мужа и жену или по крайней мере за постоянную пару. В их распоряжении оказалась мансарда: небольшая спальня, кухня со столовой и современная, недавно отремонтированная ванная комната с туалетом. Сузанне забавляла растерянность, которую не удалось скрыть ее спутнику, когда она разделась, чтобы принять горячую ванну. Она привыкла: ужимки, стеснение – пустая трата энергии. После уличной сырости было так приятно окунуться в душистую воду и сквозь пену слышать, как Патрик хлопает дверцей, – в спальне был большой деревянный шкаф, он развешивал свои вещи. Дверь в ванную заперла изнутри. Косое чердачное окно в ванной комнате было из обычного прозрачного стекла – снаружи заглянуть могли разве что птицы. Посмотрела – сосны под моросящим дождем на холмах. Спрятала лицо в теплую пену, закашлялась, не замечая.

В постели Патрик был очень нежным и немного неуверенным: он ждал от Сузанне выбора расположения, позы, темпа. Они оставались беззвучными, чтобы не смущать хозяйку в квартире внизу. Тихие занятия и темный деревянный шкаф отражались в старом зеркале. За накрахмаленными белыми гардинами качался сосновый лес. Прикосновения расчерченной шрамом ладони были легки, как далекая музыка. Сложно представить, что Патрик может кого-то ударить. Тем более ребенка.

Для Сузанне суть всегда была в этом – как раскрывает себя человек, когда остаешься с ним наедине. И кем оказываешься с ним.

Высчитывала: какой могла быть жена Патрика, чтобы он оказался способен ее ударить?

Когда Сузанне работала, Патрик бездельничал. Подготовленные для симпозиума тексты, презентации, программа – все это было забыто. Сузанне не любила, когда он отвлекал ее вопросами.

– То есть у тебя совсем нет никакого дома? Ты так и живешь все время – из отеля в отель? Как у тебя получается?

– Мне для работы достаточно компьютера. И интернета иногда.

– А все остальное? Прописка? Страховка? Твой врач? Друзья, в конце концов?

– Я не болею. Извини, я работаю.

– Да, конечно. Я выйду пройду, чтобы не мешать тебе.

Они никогда не гуляли в лесу вместе. Каждый сам по себе.

Су не знала, о чем Патрик думал среди деревьев. Ее лес наполнял покоем. Мысли о работе и о деньгах покидали ее. Из покоя произрастали противоположные чувства: возвращения и отчуждения. Когда бродила между ноябрьскими деревьями, под темными соснами и голыми, с последними повисшими листьями, буками, мирное дежавю ласкало веки: она вернулась туда, откуда пришла, к истоку, домой. Наконец-то. И в то же время знала, что не этот лес тревожит память, ее здесь не было раньше, не было никогда, и что-то чужое в горьком запахе.

Какой лес вспоминала – сама не знала. Разумеется, ребенком она бывала в лесу, но не то чтобы регулярно – бабушка заботилась о разностороннем воспитании, однако без машины добраться в музей было легче, чем в лес. Особенно в туфлях-лодочках и матовых чулках. Иногда вспоминался свежий лес конца весны – будто она смотрит снизу: травы, кроны, небо и пролетающая наискосок птица. Был этот лес реальным или подсмотренным в кино, придуман-

ным под сказки братьев Гримм? Или лес – один везде и всегда? Так шла дальше и дальше, насыщенная терпким покоем с привкусом аспирина, всем довольная.

Иногда оставалась в лесу до темноты, наступавшей теперь быстро, а иногда специально выходила в темное время, чтобы говорить черным силуэтам деревьев, так похожим на больших людей, и ожидать ответов в шорохе, хрусте, тихом свисте, шагая дальше и дальше, дальше. Эта игра в общение была приятнее, чем любые реальные разговоры. Она не задумываясь воспринимала лес – всё вместе, все стволы и всех насекомых, нити грибниц и шорох невидимых животных – как единое существо, живое и разумное.

Патрик несколько раз говорил ей, что волнуется, когда она поздно возвращается или гуляет одна в темноте. Хозяйка с ним согласна, это небезопасно, в лесу живут дикие кабаны, говорят, здесь недавно видели даже рысь. Сузанне дала понять, что права беспокоиться за нее он не получал, и если ему показалось – он ошибся. Объяснять, что ей легко найти направление в любом месте, – слишком долго и сложно. В глазах Патрика что-то промелькнуло, или даже скорее в складке губ – секундное напряжение, подсказка – да, он может ударить. Но не по такому поводу – это лишь ослабленная, как вирус в вакцине, безопасная эмоция.

Завтрак им готовила хозяйка – Сузанне заказывала апартаменты без завтрака, но Патрик оплатил, желая внести свою лепту в финансирование их общей жизни.

Ужинали они вместе в «своей» кухоньке, бутербродами или чем-то легким. Обеденный суп Сузанне готовила и на него – но преувеличенной благодарности не принимала: ей было все равно, чистить овощи только для себя или на двоих, а его стряпня ей не нравилась.

Однажды за ужином она спросила, откуда у Патрика шрам на левой ладони.

– Тебе это важно? – переспросил он, но без недовольства, с удивлением. Видимо, он настолько привык к шраму, что забыл о нем. Ладонь не слишком бросается в глаза.

– Я заметила еще в поезде.

– Ты внимательный человек!

– Когда я заметила в поезде этот шрам, я подумала, что могла бы позвать тебя пожить со мной. Что, возможно, ты в этом нуждаешься.

– Значит, я должен быть благодарен Яну! – засмеялся он – и смутился, потому что «благодарность» мало подходила к их неопределенным отношениям. Пояснил: – Думаю, этот перерыв полезен для меня. Я был на грани депрессии.

Сузанне поморщилась.

– Не начинай жаловаться. Ты ищешь смыслы, это нормально для того, у кого достаточно денег. Немножко болезненно, но нормально. У кого денег нет – тот ищет для начала деньги.

– Су, у тебя никогда не было депрессии?

– Какая глупость... Но давай про шрам.

– Очень просто. Даже типично. Мне было четырнадцать лет. Я был в достаточной мере пай-мальчиком и отличником, хотя не настолько, чтобы меня считали придурком. Ян – местным боссяком. Он жил в многоквартирном доме на другой стороне улицы. Такая улица, знаешь: мы – тут, они – там. Школы, разумеется, разные, но все-таки мы пересекались. Ян и двое его приятелей подстерегли меня, когда я возвращался с волейбола. Еще распаренный. У него был нож. Я уже не помню, о чем шла речь – о деньгах или о какой-то девчонке, но нож оказался у меня под горлом. Знаешь, как в кино бывает. А я не сообразил, что как в кино. Может, потому что сразу после волейбола. Не испугался. Совсем – ничего не понял. Понял только, что ко мне лезут. Инстинктивно сразу убрал нож рукой – с силой. Почему-то левой. И все. Тут полилась кровь – на Яна и на меня. Очень много крови. Я же за лезвие брался. Его приятели мигом исчезли. Что-то ему крикнули напоследок. Я не разобрал. Мне не до того было. Может, не поняли, что кровь из руки, а не из шеи? Знаешь, что самое смешное? Мы с Яном успели глянуть друг другу в глаза. Мне было так больно, что я выругался – впервые употребил эти слова. Ему в лицо. Я все увидел в его глазах – ему было страшно. Он убежал. Дома я что-то

соврал, будто рассек руку о стекло, ерунду какую-то. Меня, разумеется, отвезли в травмпункт, порез зашили, наложили повязку, сказали: хорошо, не правая, учеба не пострадает. Я гордился собой. Даже шутить пытался.

А Ян в двадцать сел, в двадцать три умер. Мы вращались в разных кругах, но я следил за его жизнью. Не знаю почему. Без злорадства.

– Еще бы, он дал тебе чувство успеха. Хотя успех для тебя был с самого начала запрограммирован.

Патрик усмехнулся, он не воспринял слова Сузанне всерьез. Она спросила:

– Почему у тебя нет шрама на пальцах?

– А?

Она взяла его левую руку в свои руки и развернула ладонь. Шрам пересекал линию жизни и линию сердца, разветвлялся, но кожа на пальцах оставалась нетронутой.

– Если ты схватился за обоюдоострый нож рукой, ты должен был поранить пальцы. Или вообще отрезать.

– Этого ты мне желаешь, Су? – Он засмеялся. – Я не знаю. Может быть, мне повезло с ножом. Может, не был обоюдоострым, мне откуда знать? Сейчас я понимаю, почему Ян испугался. Драться он дрался, но это была первая пролитая им кровь. Всерьез. Или ему показалось, что всерьез, – я же говорю, он мог не видеть, что порез – на руке, кровь была везде. И, думаю, последняя. Его взяли на мелком воровстве. Я не знаю. Но если ты подумала, что я лгу, ты ошиблась.

– Я не подумала, что ты лжешь. Я просто хочу понять. Ты сыт?

После ужина немного поработала, но не было ни желания, ни экстренной необходимости. Проверила счет – все новые поступления на месте – вот и слава богу. Ей за ноутбуком свет не был нужен, поэтому, когда компьютер затих, оказались в темноте. Патрик сидел на стуле недалеко от окна и смотрел на нее. В этой угловой комнате ей нравились окна рядом, на соседних стенах. Когда было темно, казалось, что они сами в лесу, потому что лес был повсюду. Она начала раздеваться.

– Я не знаю, почему это так... – сказал Патрик. – У меня в жизни никогда такого не было... А мы ведь почти ничего не делаем – или я сверху, или ты сверху, вот и все. Но у меня такого не было. Это не значит, что у меня не было ничего, – одно время я встречался даже с профессионалками. Ух, что они вытворяли – и с двумя за раз бывало, это так круто было... Но это было не то. Для тела – удовольствие, но потом возвращаешься на ту же серую улицу, с которой пришел. Уставший и потративший определенную сумму. А когда мы здесь... С тобой мне кажется, что я становлюсь совсем другим или оказываюсь в совсем другом месте. Все получает свой смысл, это больше, чем просто кайф.

Тема внезапно стала неприятной для Сузанне, и она перевела на другое:

– Забавное совпадение. У тебя был в детстве Ян. А у меня была подруга Яна. Мы жили в одном доме. Эта Яна тоже рано умерла. Наверно... Хотя я не знаю подробностей.

Сузанне, уже голая, подошла и села к нему на колени. Ткань его джинсов прижалась к ее коже.

– Давай сделаем так. Мы будем сегодня за них. Ты будешь Ян, а я буду Яна, – расстегнула на нем рубашку, – почти «ты мой Гай, я твоя Гая».

Су соврала. Яна не умерла, а пропала. Даже скорее пропала из виду, чем пропала без вести. Но это не мешало ей самой стать Яной. Она увидела под его рубашкой другое тело – не Патрика, годами принимавшего здоровую пищу и занимавшегося спортом, а Яна с его жалкими ключицами, порезами и ожогами. Ей стало жаль. Яне стало жаль. Острые груди Яны уперлись в грудную клетку – жаждавшего женщин, но таких, как она, не получавшего. Его тело было благодарным. Лес громче зашумел вокруг них.

Яна пропала сразу после школы. О ней ходили слухи – разные, нехорошие: отец бросил семью, оставив без средств к существованию, на материнскую зарплату медсестры, и вроде бы Яне ничего не оставалось, как зарабатывать на жизнь единственным, что имеется. Но она не остановилась на роли придорожной девочки, она заработала начальный капитал, и поднялась, и сама организовывала бизнес, однако свою мать бросила на произвол судьбы, и та будто бы повесилась. Яна же, имея деньги, занялась большими делами и теперь пробивает себе путь в политику, где ее острая грудь расталкивает всех несогласных с ее идеями. Идей у нее много. Да, она идет в политику не для того, чтобы умножить свои капиталы – что было бы логично, но чтобы изменить мир, построить совсем другую жизнь, поэтому ее боятся и скоро убьют, вот уже слышны выстрелы – в глухом поле, куда ее вывезли на черной машине, так что нет Яны, ее убили.

Бабушка никогда бы не поверила в такие слухи. Яну сбила машина. Отец с горя ушел из семьи. Мать переехала. Или наоборот: сначала Яна переехала, вместе с мамой, а потом машина. Переехала. Сначала отец, потом переехала. Не важно. После выпускного Яны, этого жуткого капронового платья, которое сама с завистью рассматривала в статусе девятиклассницы, подругу больше не видела.

Ночью Патрик проснулся – что-то помешало сну. В последний год он вообще часто просыпался по ночам. Комната тонула в густой темноте, лес за окнами был накрыт тяжелыми тучами, в которых изредка вспыхивали беззвучные зарницы. Он сел в кровати и вытер пот со лба. Плечи остались мокрыми. Душно. Холодные мысли о пропущенном без объяснений симпозиуме и окончательно упущенной жизни стягивали горло. Заснуть не удастся до утра, до утра будет, как дерьмо на воде, полоскаться в страхах, комплексах и бессильных утопических планах.

Но отвлекся – понял, что его разбудило. Су спала, обняв правой рукой подушку и вытянув левую с растопыренными пальцами на одеяле. От мочки левого уха до мизинца левой руки пробежал белый огонек. Вспыхивал, скатывался на плечо, катился по руке, через локоть, и гас на коротком ногте, тут же снова оказываясь на мочке уха. В движении огонька был строгий ритм, так что Патрику пришлось повертеть головой, прогоняя наваждение – будто он слышит тихую электронную музыку.

Едкие мысли сразу ушли, он наклонился, приглядываясь. Огонек, бросавший отблеск на ее щеку, делавший кожу полупрозрачной над ниточками вен, повторял ритм дыхания, и одновременно, в том же ритме, проскальзывали по тучам дальние зарницы, на долю секунды высвечивая красноватые неподвижные кроны. Пальцы правой руки, выглядывавшие из-под наволочки, тоже освещались, но с другой стороны – огонька он не видел. Наклонившись, Патрик почувствовал запах Су. Немного странный, так пахнет загорелая кожа после дня на солнце. Или проводка после короткого замыкания. Или лес после грозы. Но и тело, конечно. Чужой, и в то же время успокаивающий запах. Будто они прожили вместе много лет и привыкли ко взаимной чужеродности (никогда не знал этого умиротворения с Моникой).

Он попытался поймать огонек, накрыв его рукой, но светящийся ручеек, не меняя темпа, потек в обход его ладони. Су резко дернула головой во сне, прищепывая что-то непонятное (снаружи послышался далекий глухой гром). Он убрал руку. Она тихо запела во сне на непонятном ему языке, с длинными глубокими гласными. Он лег на свою подушку и уснул в ту же секунду, как будто эта колыбельная была предназначена для того, чтобы без промедления отключать сознание.

Утром проснулся хорошо отдохнувшим, не помнящим снов и пропущенных дедлайнов. Сузанне рядом не было.

Но вечером разговор вышел неловким.

– По утрам мне кажется, что ты уже ушла. Потом смотрю, а ты работаешь. Так ты в один из дней уйдешь: соберешь вещи, и все. А я останусь со своей жизнью, которую никак не наладить.

– Какая ерунда, я тебе сто раз говорила, что апартаменты я сняла до тринадцатого декабря. Ты можешь жить здесь все это время. А жизнь свою ты сломал сам, я к твоему разводу, к случаям семейного насилия не имею отношения.

Мысли Патрика переключились на другое, но утренний оптимизм больше не вернулся. За ужином, после двух бокалов пива, он говорил:

– Стыдно признаться, но я не люблю своих детей. Я бы любил их. Но они такие злые, такие сложные! Разве я виноват, что я почти не знаю их? Я все время работал – для них, чтобы у них все было. Часто в разъездах. А по выходным они шумели, делали все, что я запрещал. Не поверишь, они дразнили меня, как одного из них, и смеялись. Никто так меня не воспринимал – и подчиненные, и начальство – все меня уважали. Вот скажи, откуда у меня могли быть такие дети? Может, они не мои? Нет, я не всерьез, в Монике я никогда не сомневался. Я кричал на них, Моника возмущалась, что я слишком строг и требую от них больше, чем от себя. Тогда я молчал, но она говорила, что я позволяю им все. Плакала, когда видела их залезшими на шкаф, и сразу обвиняла меня. Ей стоило сказать одно слово – и они делали то, что она говорила. Я пытался копировать ее интонации – они только смеялись надо мной. Тогда я перестал к ним подходить. Я проводил выходные в кабинете, с газетой и кофе, я работал. И кое-чего я все-таки добился, нужно признать, но все это без толку. До детей у нас с Моникой все было хорошо. Так хорошо! Мы...

Су кивнула, не особо стараясь изобразить сочувствие.

Они стояли на перроне. Сузанне была довольна, что поезд Патрика уходит раньше и она какое-то время побудет одна в привычных вокзальных декорациях. Ей нужно было это время, чтобы набраться сил перед отъездом. Выпить свой кофе в одиночестве. То, что они больше не увидятся и не услышат друг о друге, не вызывало сомнений, но тем не менее они обменялись электронными адресами.

Так происходит всегда, думала она. Одни случайности сводят людей вместе, другие случайности разводят в разные стороны, и знаешь, что знакомство продолжаться не будет, никто никому никогда не пишет, но это неприятно сознавать, пока тоненькие ниточки привязанности еще держат вместе, поэтому нужно обменяться контактами. Отговорка (правдивая), что ее нет на Facebook, нет в WhatsApp, только заставила Патрика усмехнуться:

– Так я на самом деле подумаю, что ты агент спецслужб.

Что-то недоброе было в голосе, вообще в его поведении в последние дни было что-то недоброе.

– Ну да, низкооплачиваемый агент, – она улыбнулась. – Я не люблю большие скопления людей, в том числе и в интернете.

– А ты любить вообще можешь? – Он посмотрел на нее обиженно, и она подумала: «Зачем... какое значение... чего он хочет от меня... вечное, мужское – если женщина, то ответственность...» К таким нападкам была подготовлена, собралась ответить, но он добавил:

– Я не о наших отношениях, я вообще... У тебя есть кто-то из родных, ты к кому-нибудь привязана? Есть сестры или братья? Ты можешь полюбить морскую свинку – купить и полюбить, просто привязаться? Собаку? Или любить родину – какая она у тебя? Что угодно, кого угодно... Ребенка, если у тебя будут дети? Или тебе это совсем незнакомо?

Сузанне немного растерялась, но автоматически с сарказмом произнесла:

– Да, ты уж своих детей любишь... – и, чтобы замаять злую и неуместную фразу, добавила: – Помнишь, как мы... Ты Ян, я Яна...

Он напряженно улыбнулся. Стояли друг напротив друга, было неприятно, что последний разговор получился таким. Ждали поезда. Когда поезд наконец подъехал, Патрик кивнул ей «пока!» – и пошел в вагон. Она помахала на прощание, потом спустилась вниз, в тоннель. Она никогда раньше не задумывалась. Его слова выставили ее неполноценной. Недочеловеком. Зашла в вокзальное кафе, взяла чашку кофе и села, глядя в жидкую черноту, ожидая, когда в ней засветятся звездочки отражений. Знакомая ситуация, знакомые маленькие удовольствия, делающие жизнь желанной. Но мысль, что она неполноценна, все портила.

Однако, ломая в пальцах печенье, Сузанне пришла к выводу, что она не хуже других. Она умеет любить, просто на расстоянии. Она любит соседей в отелях, любит их шум, их сдавленный смех, дыхание, ночные выкрики. Она любит тех, кто едет за ее спиной в поездах. Она с заботой прислушивается к их разговорам, делит с ними их радости и горести, без того, чтобы они узнали о ее существовании. Она любит их такими, какие они есть: мелочными, смешными, запутавшимися в логике собственных рассуждений – всегда выводящими ее в свою пользу. Лживыми, злыми. Ведь все это может стать неприятным, только если вступать с ними в отношения, а она соблюдает безопасную дистанцию. Любит на безопасном расстоянии. Улыбнулась.

Сделала глоток. Что за глупый вопрос: «Хороший ли я человек». Люди живут, отдавая друг другу долги – им делают что-то хорошее, они делают что-то хорошее. Те, кто не возвращает долгов, – те нехорошие люди. Но у нее нет никаких долгов. У нее был бы долг перед бабушкой, да, но бабушка умерла, прежде чем Су стала по-настоящему взрослой. Сейчас бы она лучше ухаживала за бабушкой, но тогда она еще ничего не понимала. У детей еще нет долгов. Да, у нее был долг перед мужем (понадобилась секунда, чтобы вспомнить, как его звали – Мика), но этот долг она вернула. Она старается никому не причинять зла, если это в ее силах. Она нормальный человек. Если и не хороший, то уж не хуже других. Она просто не вмешивается. До поезда оставалось семнадцать минут.

В книгах, которые Сусанка читает, сидя на скрещенных ветках невысокой ивы, свесив вниз ноги, бывают другие имена, не такие, как вокруг. Джек, Морис, Луиза, Розалинда и так далее. Таким образом она узнает, что существует *параллельная реальность* (сочетание слов часто встречается в фантастических рассказах). Где-то там. За гранью. За железным занавесом, который недавно подняли – под увертюру, как в театре. У нее не возникает желания попасть в этот другой мир, слишком обрывочны сведения о нем, но иногда у нее возникают сомнения. По поводу имени. Она единственная Сусанна во дворе. Единственная в классе. Среди неограниченного количества Кать, Наташ, Тань, Ир она – Сусанна и подозревает, что здесь может быть какая-то связь с другим миром. Тревожная связь. «А тебе хотелось бы имя как у всех?» – спрашивала бабушка.

Нет, конечно нет. Она не отказывается от своего имени (пока что).

У Сусанны есть тайна, сути которой она сама не понимает, но в которой чувствует что-то постыдное. Над ней довлеет необходимость скрывать и обманывать, и от этого она сутулится, а бабушка говорит: расправь плечи, чтобы стать красивой. Сусанна получает одни пятерки, но подозревает и здесь какой-то подвох: как ей удастся обманывать учителей? Одноклассников?

Возможно, ее постыдная тайна – отсутствие родителей. Она неохотно говорит об этом, и с ней не заговаривают на эту тему, щадя детскую тоску. Но на самом деле она стыдится, что у нее не так, как у всех, а не тоскует – как можно тосковать по тем, кого не знаешь? Когда ее жалеют – девочку воспитывает одна бабушка – она тоже врёт (молча), потому что они не видят ее бабушку, не видят сиреневого ореола волос, сзади стянутых в узел, не видят округлых икр ног, обтянутых прозрачными чулками над черным каблуком, не видят строгой, ниже колена, юбки на стройных вопреки возрасту бедрах. Не видят черного платья с жемчужной брошкой, которое бабушка надевает в театр. В театре из темноты плывут белые феи-балерины, умирают

под музыку, под музыку встают из гроба, в театре из темноты поют устрашающие голоса, или ходят женщины в коронах, или просто играет музыка – тогда можно закрывать глаза.

По вечерам бабушка читает ей. «Кто скачет, кто мчится под холодной мглой...» В конце будет мертвый ребенок. Ребенок под деревом. Потом бабушка читает по-немецки: «*Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?*» – не понять ничего, оттого еще страшнее, ведь и здесь мальчик умирает, об этом говорят резкие гортанные звуки, двойные гласные. Грипп. Ложка с вареньем и горьким порошком, измятая наволочка с пятнами пота. За шторой стоит Лесной Царь. Пальцами подает знаки, кривляется. Старая ольха за окном смеется. Бабушка смотрит на градусник, и морщины сбегаятся к носу. По телу бегают веселые огни, Лесной Царь зовет. Если провалиться в лес – деревья превратятся в свет и ты будешь ими.

Бабушка говорит по телефону с Лесным Царем, просит забрать ее к родителям. Каким родителям, где их взять? В лесу? Приходит соседка Оля, медсестра. Ай. Больно. Больно. Бабушка в прихожей дает Оле деньги за укол. Тело начинает таять. Какое блаженство.

Пустое, слабое выздоровление.

Бабушка ушла в магазин. Грипп подходит к концу, и, чтобы развеять скуку выздоровления, Сусанка достает свою коллекцию бусинок. Солнце попадает сквозь морозное окно в комнату, забирается в бусинки из чешского стекла и играет с ними в разноцветные блики. Потом солнце забирается в Сусанку и играет с ней в разноцветные блики. Сусанка смеется от щекотки, рука вздрагивает, бусинки высыпаются и катятся по полу. Она не знает, что это, как свет попал внутрь нее, но ей кажется, что она говорит с кем-то, сделанным из лучей. Потом свет внутри гаснет. Она бросает коробочку и становится на четвереньки, но не может догнать бусинки – желтые, прозрачно-белые, перламутровые, покотившиеся в разных направлениях – под шкаф, под диван. Они исчезают в хлопьях пыли и мрака. Пальцы пачкаются, она злится, предчувствуя, что так будет всегда – упущенный свет гаснет, все красивое рассыпается и укатывается.

Когда выздоровеешь, Лесной Царь становится безопасным. Она уже понимает чужие слова. Никогда не знаешь, на каком языке обратится бабушка, когда вернешься из школы, – на английском или на немецком? Сусанка привыкает, отвечает.

Сусанна знает, что они с бабушкой обеспечены. Не богаты, но обеспеченны. Этого не знают те, кто ее жалеет, и она не рассказывает, иначе они ее возненавидят, потому что они сами не обеспечены.

Возненавидеть – это получается очень быстро. Яна возненавидела ее из-за новой курточки, называет теперь Сусанка-сосалка, Наташа за ней повторяет.

Сусанна уже знает, что они имеют в виду. Но делает вид, что не знает.

Все равно Яна, пройдя через пубертат, станет приветливой и женственной, а потом вовсе закончит школу и исчезнет. Когда бабушка заболеет, Сусанка не будет заботиться о ней. Сиреневые волосы станут просто седыми, не будут возноситься ореолом надо лбом – обычная сторбленая старушка. Это не бабушка. Потом бабушка окончательно исчезнет. Можно будет спать до одиннадцати, до двенадцати. Блаженство. Бабушку унес Лесной Царь.

Трудно определить момент, в который Сусанна решает уехать, легче объяснить решение. Голоса доносятся со всех сторон: «Валить надо отсюда». Она их слышит и кивает.

Ей нравится место, в котором она живет. Оставшаяся от бабушки квартира. Она не интересуется политикой. Ей хватает денег из хитрого тайника с нижней стороны столешницы. Ее не беспокоят грязь в подъезде и алкоголики, ей все по вкусу, но ее тянет оборвать эту жизнь. Стереть тонкие линии, соединяющие ее с однокурсниками, соседями и людьми, сидящими рядом с ней в маршрутке, – социальные связи. Что-то похожее на стремление к самоубийству.

Она не анализирует, но начинает искать пути. Самый простой путь: устроиться няней в иностранную семью. Раньше она жила с одной бабушкой, как бабушкино отражение в зеркале, установленном на оси времени. Мысль, что теперь нужно войти в семью с мамой-папой-

детьми, для нее невыносима. Ее тошнит от семей, и она ведется на другое, подозрительное по определению объявление. Она скрывает знание иностранных языков, потому что понимает, что ее обманывают, и хочет обмануть тех, кто обманывает ее. И ей удастся странный тройной обман. Не прятать деньги. Ничего не прятать и ничего не брать. После оставить их за спиной, этих опасных мужчин и несчастных женщин. Но – статус-кво. Она не обращается в полицию. Они ее не трогают. Они ее вывезли.

Потом – необходимость зацепиться на новом месте, продлевать визу и зарабатывать на жизнь.

Нужны были деньги, но она почти сразу нашла идеальную работу. На самом деле это была не работа, речь шла о тестировании нового медикамента, она случайно наткнулась на объявление – искали здоровых мужчин и женщин до тридцати лет для исследования. В ее задачи входило три раза в день глотать голубую пилюлю и регулярно ходить на медицинский осмотр. Проект должен был длиться полгода, то есть вечность – вечность получать тысячу шестьсот пятьдесят три евро в месяц и ничего не делать. Это устраивало Су. Она следила за своим здоровьем. Прислушивалась к пищеварению. Считала дни между месячными. Проверяла, хорошо ли видят глаза. Слышат уши. Будто вернулась бабушка. Все было хорошо.

Те, кто говорил о необходимости эмиграции, были правы – она живет в райском саду, так думала, сидя за накрытым желтой скатеркой столом и глядя в окно, на плывущие по небу облака аккуратной формы. Никогда не видела дома таких аккуратных облаков. Могла сидеть напротив окна часами. В окне пролетали диковинные пестрые птицы, райские птицы, думала она, но позже, заглянув в книжной лавочке в глянцевого альбом «1000 птиц», узнала, что это обычные сойки, дятлы и синицы, такое привычные слова – но она выросла в большом индустриальном городе, центре угольной промышленности, богатом только голубями и воробьями. Хотя и сейчас жила в большом известном индустриальном городе, где находились как фармацевтическая компания, так и публичные дома, в которых осели ее нелегально провезенные через границу спутницы, вокруг было много парков и перелесков, она выходила гулять, насмотревшись на аккуратные облака.

Ехала на автобусе в старый город, поднимала глаза на дома, точь-в-точь такие, какие были в ее детских книгах сказок: пряничные домики с готическими надписями на красноватых деревянных перекрытиях. Смотрела на высокие резные башни церквей. Современные люди с пакетами из стеклянных магазинов спешили мимо, не обращая внимания на свою принадлежность к сказочно-книжному миру. Су тоже заходила в магазины. Она заходила в книжные, покупала книги, ориентируясь только по обложкам, и проглатывала их вечерами. Романы. По ним она учила язык заново, очищала его от гетевских, гофмановских и гейневских словечек, непонятных ни мужчинам, с которыми знакомилась в барах, ни работникам фармацевтической компании.

Прошло четыре месяца из шести, когда Су окончательно убедилась, что все сделала правильно для быстрого проникновения в рай: появились ангелы. Она лежала в испещренной незабудками постели, как раз только что погасила лампу, когда ясно ощутила над собой присутствие ангелов. Су открыла глаза. Ангелы летали над ней, взмахивая невесомыми белыми крыльями, и пустые белые рубахи тянулись за ними следом. Ангелов было достаточно много. Су удивилась, что у них и на самом деле такая архаическая, птицеподобная и человекоподобная форма, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что то, что она принимала за крылья, – на самом деле движущиеся лучи. Так же и с рубахами – одни лучи. На самом деле ангелы были маленькими светящимися комками, не больше детского кулака, и эти комки взмахивали расходящимися от них длинными лучами. Такой вариант ей даже больше понравился, Су обрадовалась, что теперь знает, как на самом деле выглядят ангелы, и то ли заснула, то ли потеряла сознание.

На следующий день ей сообщили, что тесты прерываются до выяснения обстоятельств, и у нее изъяли остаток синих пилюль. Позже Су узнала, что один из испытуемых находится в реанимации «с мертвым мозгом». Это странное выражение так напугало ее, что она чуть ли не с облегчением узнала через день, что спасти его не удалось. Еще десятеро находились в больнице в состоянии средней тяжести. «Выяснение обстоятельств», «выяснение обстоятельств» – повторялось раз за разом. Су почувствовала было приближение паники – на что существовать теперь? Однако ей выплатили не только деньги, причитающиеся за следующие два месяца, но и дополнительную «компенсацию». Чтобы держала рот на замке и не обращалась к адвокатам, поняла она. Какие адвокаты с ее истекающей левой визой?

Примерно тогда ей и пришла в голову мысль выйти замуж. Потом можно заняться чем угодно – учиться или работать, но для начала нужно получить законный статус. Между мыслью и реализацией произошло еще многое.

Одно время Су воровала. Ее с самого начала удивляла непосредственность, с которой магазины выставляют на улицу прилавки с товарами – едой, одеждой, всякими мелочами. Однажды, в старом городе, она задумалась о своей дальнейшей жизни, стоя у такого внешнего прилавка с яблоками, и сама не заметила, как прокусила красную кожуру. Сладкая мякоть пустила во рту сок. Прохожие шли дальше, никто не обращал на нее внимания. И она пошла за ними – с надкушенным яблоком в руке.

Но животное охотничье удовольствие можно было получить, только воруя внутри магазинов. Нужно было знать, как пройти, знать, зазвенит ли сигнализация на выходе. У нее получалось. Так – пробуя неизвестные раньше деликатесы – она экономила оставшиеся деньги. Воровала диски с записями джаза, думая, что ее соотечественники все равно делают это ежедневно за компьютером, безо всяких угрызений совести. Вечером ложилась на пол и включала новый диск. Слушала глубокие хрипловатые голоса, рассматривая тень от люстры. Однажды украла духи, предварительно так заморочив продавщицу голову своими капризами («слишком тяжелый, почти как нужно, но мне бы немного посветлее, и менее сладкий, нет, но не горький же, а этот слишком легкий») – что та сама ретировалась, даже вздохнула с облегчением, когда Су купила какую-то мелочевку вроде мыла, и не заметила исчезновения «горького» флакона.

Су никогда не брала дважды в одном и том же магазине. Но один раз, на выходе из супермаркета, ее все-таки остановил строго одетый молодой человек с микрофончиком возле рта – как у телеведущего. Он вежливо попросил ее открыть сумку, и Су, подняв немного испуганные глаза (детектив был очень высоким), спешно и приветливо согласилась и открыла свою сумку. Он попросил ее достать из сумки все, что было внутри: начатая упаковка бумажных платочков – домашней марки другого супермаркета, косметичка, в ней полустертая гигиеническая помада, старая пудреница и активированный уголь, привезенный еще с родины. Молодой человек вежливо поблагодарил ее и пожелал хорошего дня. Су тоже с ним попрощалась и, захватив из тележки пакеты, где честно приобретенное было равномерно перемешано с украденным (на кассе, принимая товары от кассирши, она одновременно перекладывала добычу из сумки в пакеты), вышла на улицу. Моросил мелкий свежий дождь. Звона не было. Почему-то душа ее пела – словно произошло что-то прекрасное.

Дома она включила свой любимый диск, сделала себе несколько малюсеньких канапе – с икрой, с серрано и с красной рыбой и открыла маленькую – на один стакан – бутылочку шампанского. Отпила из бутылочки, протанцевала вокруг стола в своих дешевых блестящих туфлях на шпильках. Немного попела с Эллой Фицджеральд, снова выпила. Закончив ужин в половине двенадцатого, заснула на диване с ладонью под щекой, не раздеваясь и не почистив зубы. Период воровства продлился не более месяца.

Последовали смутные дни – хмурая погода и подозрение, что это последний месяц, в котором она знает, чем платить за квартиру. В один из дней пришло письмо на плотной белой бумаге. Она не сразу поняла, о чем речь. Вроде бы заявляла о себе все та же фармацевтическая

компания, вернее один ее конкретный сотрудник, назначавший ей встречу на следующий вторник, в 11:20 в его бюро, и довольно строго требующий позвонить, если у нее нет возможности прийти в условленное время. Су такая формулировка показалась странной и навязчивой, но в письме был намек на деньги и даже перспективы, а она находилась не в том положении, чтобы особо перебирать, и к тому же – какие у нее могли быть другие планы в назначенное время?

Идея с браком еще не была воплощена. В любом случае, она не хотела зависеть от будущего супруга финансово, и, из-за каких-то внутренних левых предрассудков, не хотела, чтобы это был человек богатый – такой, как господин Шурц: седой, но моложавый, в идеально выглаженной рубашке, с белоснежными блестящими зубами.

Видела свой прозрачный силуэт, отраженный в окне его бюро. Волосы растрепаны. Чувствовала себя неряхой рядом с ним. Думала: «Он вызвал меня, только потому что хочет переспать со мной». В ее досье перед Шурцем была ее хорошая фотография – с накрашенными красными губами.

Кроме ее силуэта в окне отражались два светящихся монитора, оба находились на большом столе с закругленным углом, за которым, внутри треугольника, Шурц передвигался на вращающемся кресле.

– Я внимательно изучил ваши документы, те, что вы давали нам для тестов, – говорил господин Шурц, – и пришел к благоприятным для вас выводам. Дело в том, что наш концерн планирует осваивать новое направление, суггестивистику. Вернее, уже осваивает, есть уже весьма солидные результаты, и в рамках новой программы мы предлагаем обучение. Это государственно принятая программа, по окончании трехлетнего курса вы получаете стандартный сертификат о профессиональном образовании.

– А то, что вы без разрешения изучали мои документы, разве не противоречит законодательству?

Только потому, что он хочет переспать со мной, думала Сузанне. Но неожиданно мысль ей понравилась и не отпускала ее до конца разговора.

Господин Шурц за секунду успел побледнеть до цвета пакета, в который складывают овощи, чтобы взвесить, и опять приобрести нормальный цвет лица. Видимо, он не ожидал, что она ориентируется в немецких законах. Но он ориентировался лучше.

– У вас ведь виза скоро истекает, правда? Да и та, что есть, не совсем чистая, если я не ошибаюсь. Вы знаете, что у вас будет возможность получить учебную визу?

Ее не впечатлило это временное решение, менее надежное, чем замужество, но господин Шурц добавил:

– Вы имеете представление о том, как у нас получают профессиональное образование? Вы два дня в неделю учитесь и три дня в неделю работаете – или учитесь на практике, как вам угодно. Но работа оплачивается. Я точно не помню цифры – в вашем случае это будет что-то около тысячи в месяц.

Меньше, чем за испытания препаратов. Но Су согласилась. При желании выжить можно. Он положил перед ней формуляр и протянул ручку. Она потянулась за ручкой, и их пальцы соприкоснулись. Ей окончательно стало ясно, что она тоже хочет переспать с ним. Поставила свою подпись. Он дал ей белый конверт формата А 4.

– Остальные документы сможете заполнить дома. Также здесь вся информация о курсе. Поздравляю, это было верное решение!

Так говорят, когда удался обман, поэтому эйфории не было. Однако решение на самом деле оказалось верным. Лишь позже ей стало ясно, как ей повезло, на грани чуда – место в системе образования далеко не всем доставалось легко (или доставалось вообще). Но почему отобрали ее, догадалась в первый же день, совсем немного пообщавшись с соучениками. Всего их было восьмеро. Все обычные люди без особых дарований, и только одна особенность у всех –

по разным причинам никто из них не имел ни семьи, ни близких друзей. Трое, включая ее, были приезжими, пятеро местными, хотя из других городов.

«Никто о нас не вспомнит, поэтому нас выбрали, – думала Сузанне. – На нас будут ставить медицинские эксперименты». Что не помешало ей прийти на занятия на следующий день – будет чем заплатить за квартиру в этом месяце, хотя питаться придется скромно. Однако никакой драмы, никаких экспериментов не последовало. Занимались они в светлом классном помещении с белой доской, на ней маркерами записывали свои первые короткие тексты. Когда преподаватели включали проектор, доска превращалась в экран, на котором появлялись то до синевы черные поющие масаи, то китайские мастера каллиграфии.

Первое занятие вела госпожа Хук, коротко подстриженная седая старушка, которая сразу же все расставила по местам: она университетский преподаватель, и они ничего не поймут. Она здесь только из интереса к проекту. Су мимоходом вспомнила бабушку, которая тоже когда-то была университетским преподавателем – наверняка намного лучшим. Госпожа Хук рассказывала о человеческой речи. О типах звуков и синтаксических конструкций, о ритмах, обусловленных этими конструкциями, о графологии, потом, неожиданно, об этимологии – древний средневерхненемецкий глагол *lâchenen*, от которого было образовано старое слово, называющее лекаря, позже вытесненное греческим, означало «обговаривать», впрочем, такую же этимологию имеет русское слово врач – тот, кто говорит. Сузанне неприятно удивилась этой отсылке к ее родному языку, будто ее поймали и разоблачили, позже выяснилось, что госпожа Хук знает русский. Она только пожала плечами: «Я из бывшей ГДР», – и Сузанне подумала, что госпожа Хук должна была работать на Штази – аналог советского КГБ. Что-то такое было в лице.

Следующее занятие оказалось приятнее, там речь шла о статистике. Статистика показывает, что тот, кто полностью прочитывает листик-вкладыш к лекарственному препарату, чаще страдает от побочных эффектов. Но не только: действие медикаментов в целом проявляется сильнее. Диаграммы. Графики.

Потом в спортзале странная бледная блондинка в пестрых штанах и с пестрым шарфом на голове обучала их мантрам.

И, наконец, анатомия.

К концу второго дня Сузанне устала и была совсем заморочена, но более или менее начала понимать, о чем идет речь: влияние письменного текста на состояние организма. Разумеется, она это и так знала бы, если бы прочитала информационные листы из белого конверта, – но ей было лень.

К концу третьего месяца обучения Пам, вьетнамец, поделился с ней своими размышлениями, не похожими на ее. Сузанне теперь, поняв, что на них не будут ставить эксперименты, считала, что отбор одиноких и не слишком общительных учащихся был мотивирован желанием концерна предотвратить утечку информации. Проект не мог быть засекречен, потому что их образование государственно сертифицировано, но при этом очень хотелось, чтобы конкуренты ничего не заметили. Однако Пам, сидя на ослепительно белом подоконнике, сказал:

– Думаю, проект провалится. Но им некуда отступать, они нас набрали. Они думали, что аутисты автоматически обладают какими-то особыми способностями, но это не так.

– Какие еще аутисты?

– Мы. А ты не замечаешь? Здесь все с приветом.

Сузанне пожала плечами.

– У каждого свои обстоятельства. Меня воспитывала бабушка. Она умерла. Я осталась одна. При чем здесь аутизм? У тебя большая семья в двадцати часах лета. Сколько тебе стоит туда-обратно слетать? Нет, с тобой уж точно все в порядке.

Пам улыбнулся, его зубы так же блестели белым, как подоконник.

– Но они-то этого не знают! И все-таки я не думаю, что у них что-нибудь получится.

По большому счету он оказался прав. Господин Шурц с каждым месяцем выглядел все более озабоченным, и Сузанне все реже при встрече с ним вспоминала, что он хотел приключений с ней, а она – с ним. Вопреки его обещаниям, проблемы с визой были. Но она вышла замуж, и все наладилось. Первый год учащиеся работали в рекламном отделе, потом для них создали собственный отдел. Получив дипломы, они разъехались и никогда больше не встречались.

Лишь господин Шурц иногда пересылал ей почту. Налоговая инспекция и банк желали знать ее постоянный адрес, а ей невыносимо было оставаться на месте, и Шурц согласился прописать ее у себя. Иногда он подкидывал ей заказы и брал пять процентов от гонорара. Ему тоже нужны были деньги, потому что после закрытия проекта его отправили на преждевременную пенсию.

А Су познала радости семейной жизни – в облегченном варианте. Приобрела хорошую местную фамилию. Его звали Мика. Они познакомились в одном ночном заведении. Сузанне сразу же предложила зарегистрировать отношения. Он был выведен из равновесия, но она смеясь объяснила: мне нужна виза, фиктивный брак. Они были вместе четыре года, без того, чтобы жить в одной квартире. Но были вместе в полном смысле этого слова. По крайней мере она так воспринимала их контракт: брак в обмен на секс, так что каким-то странным образом цель ее нелегального проникновения в эту страну все же была реализована. Хотя секс был хорошим. Что думал Мика о ночном приключении, растянувшемся на четыре года, Сузанне так и не узнала.

Но чужое счастье вечно кому-нибудь колет глаза, ее брак показался подозрительным отделу по делам иностранцев.

– По моим данным, вы не проживаете вместе, – сказала вызвавшая ее чиновница и посмотрела многозначительно, с ожиданием.

– Да.

– Но в таком случае мы не можем рассматривать ваш брак как имеющий...

– Ну да, я не варю и не стираю для мужа, – перебила Сузанне, слепо глядя перед собой – внутрь себя. – И не глажу ему рубашек. Но я с ним сплю. У него нет никого другого, и у меня нет никого другого. Нам хотелось бы и дальше продолжать нашу интимную связь, однако без визы это невозможно.

Чиновница подумала, что над ней издеваются, но Сузанне смотрела серьезно. Она не привыкла много общаться и бояться чиновников и еще не любила лгать. Она продолжила шепотом говорить о своих отношениях с Микой, глядя на письменный стол, неожиданно понимая, что эти отношения важны и нравятся ей, – о его дыхании, о необычно мягких для мужчины губах и худощавом – как у мальчика – теле: когда он лежит на спине, волнами видны ребра под кожей, и она проводит по ним ладонью, у него совсем нет волос на груди; там, у нее на родине, таких мужчин не было, такие вымирали на старте, и оставались грубые козлы, склонные к насилию, так что возвращение для нее невозможно, а он – он совсем мальчик в свои тридцать. Чиновница слушала монолог так же завороченно, как Сузанне говорила.

Наконец Сузанне опомнилась:

– Извините... я разговорилась. Видимо, дело в том, что у меня нет близких... знакомых... вообще нет никого, кроме него.

Су просто констатировала факт, для нее самой естественный и не тяжелый, она не планировала драматического эффекта, который произвели ее слова на прочно вросшую в свою социальную грибницу чиновницу, и не ожидала получить постоянный вид на жительство.

Четыре года Сузанне и Мика были вместе, и не раз она приезжала в город, только чтобы встретиться с ним. Потом расстались – легко для двоих. Сейчас у нее гражданство, и эти вопросы не тревожат больше.

* * *

Поезд привез Сузанне в очередной провинциальный город, где она на зиму сняла квартиру. Холодные месяцы она предпочитала проводить в более или менее постоянном убежище, потому что теплые вещи неудобно возить с собой. Въезжать старалась не раньше середины декабря – до того морозы случались редко, а к концу февраля уже маялась от желания уехать. Как всегда, сначала вдохнула незнакомый воздух на пороге, с мыслью, что эта чужая пыль, хранящая запах чужих отношений, станет своей, и ее не вымести. В нее вплетутся новые ноты: запах ее тела и ее вещей. Широко разложила вещи из своего чемодана, чтобы в квартире ощущалось присутствие, когда она уйдет за покупками. Покупала в супермаркете ложки, вилки, ножи, туалетную бумагу, полотенца, гардины. Запоминала супермаркет – на какое-то время он станет «ее супермаркетом», в котором известно расположение всех полок. Купила дешевый фен – в отелях и меблированных апартаментах фены всегда имелись, но здесь она предоставлена самой себе.

Потом вернулась и мыла окна – долго и старательно терла, чтобы не осталось никаких бликующих полос, до абсолютной прозрачности. Когда стекла становились чистыми, исчезали сомнения. Сама не замечала, что сомнения мучили ее, до того как стекло стало невидимым, словно душа. Снизу на нее подняла взгляд женщина в синей куртке – должно быть, соседка. Сузанне кивнула, женщина с небольшим запозданием кивнула в ответ, посмотрела удивленно, исчезла в их общем подъезде. «У меня появляются знакомые», – усмехнулась Су.

На следующий день пошла за теплой одеждой. Она покупала себе дешевую зимнюю одежду, неинтересную – по-настоящему хорошим у нее было только белье, потому что оно легко умещается в чемодан. Одежду брала со скидками и с первым потеплением отправляла в контейнеры благотворительных организаций, снова становясь легкой и готовой к дороге. Когда вернутся птицы.

Задолго до возвращения птиц они с Жанной стали почти подругами.

Столкнувшись в подъезде с женщиной в синей куртке, Сузанне почему-то поздоровалась по-русски. (Нет, соседку не выдавали ни одежда, ни прическа, ни макияж. Разве что мимика?) Та ответила несколько обиженным тоном. Сузанне, доброжелательно улыбаясь, поспешила представиться и сказала, что ее квартира на четвертом этаже.

– А, так это у вас вчера свет всю ночь мигал? – без улыбки и не назвав себя, спросила соседка.

– Нет, я только переехала, так что не украшаю к Рождеству в этом году.

– А то у меня малый спать не мог. Прилип к окну и смотрел, как оно на земле отражается. А потом муж пришел и сказал, что это на четвертом, в той, что пустой стояла.

– Видимо, кто-то уже нарядил елку, – примирительно сказала Су и еще раз назвала свое имя. Только тогда соседка представилась:

– Жанна.

Раньше Сузанне вряд ли была бы такой терпеливой, но упреки Патрика все же что-то в ней задели. Боясь увидеть в себе неполноценность, вела себя любезнее.

Сама Жанна оказалась намного приятнее, чем создалось впечатление при первой встрече. Сузанне позвала ее на чай, достала бутылку вина, и они разговорились. У Жанны имелся муж, дальнобойщик, специализирующийся на Италии. Кроме того, трое детей.

По утрам дети были распределены – кто в школу, кто в садик, и Жанна, без большого вдохновения относившаяся к ведению домашнего хозяйства, скучала, приходила к Сузанне и мешала работать. Сузанне не злилась – в последнее время ей нравилось работать по ночам, а днем отдыхать. Часто она засыпала после обеда.

Жанна заходила только для того, чтобы забрать Сузанне из тоскливой квартиры с некогда белеными, но уже годы как серыми обоями к себе. В уютно-обжитом гнездышке с картинами на стенах и салфетками на столе Су могла наслаждаться неизведанными дотоле радостями: женской дружбой и свежей выпечкой.

Первым делом Жанна всегда варила кофе в серебристой кофемашине (наконец нашла, перед кем похвастаться). Потом садилась напротив Сузанне и заводила долгие беседы о своем детстве, о деревне в Казахстане, о желтой траве, о первых поклонниках, о мотоциклах, о молодости, и только потом – о муже и детях. Она скучала, ей казалось, что в этой стране все не так, как там, в юности, все хуже и пошлее. Но вместе с тем Жанна как рыба в воде была в местных условиях: знала, что где купить, где дешевле, где качественнее, когда куда нужно идти и вообще – как правильно жить. Каждый из ее детей знал и выполнял свои обязанности, эта троица была организована превосходно, что позволяло Жанне, без любви к домашней работе, поддерживать хозяйственные дела в идеальном состоянии. Порой Су думала, что в Жанне мир потерял великолепного министра, а может даже канцлера или президента. Пару раз Жанна расспрашивала Сузанне о ее жизни, о роде занятий, но без энтузиазма. Су отвечала так туманно, что собеседница больше этой темы не затрагивала, видимо, считая, что она живет на пособие по безработице (дешевая одежда могла служить тому подтверждением).

Иногда Жанна предлагала вместе съездить в магазин – для Сузанне это было удобно, не нужно нести сумки с продуктами от неблизкого супермаркета. Жанна хорошо водила, хотя за рулем ни на секунду не переставала болтать и жестикулировать. Су сосредоточенно слушала. В магазине ее полупустая корзинка смешно смотрелась рядом с переполненной тележкой Жанны, та каждый раз пыталась убедить и ее складывать продукты в тележку. Сузанне отвечала одно и то же: на кассе будет неудобно, запутаются, где чье. Возле дома Сузанне помогала Жанне поднять многочисленные пакеты.

Кроме мужа и детей, у Жанны в этом городке и в близлежащих населенных пунктах было еще много родственников – своих и мужниных, двоюродных, троюродных, сколько-то-юродных, целый немецко-русско-казахский клан. Су пыталась понять, как они живут – заводят детей, оставляют их друг у друга, когда нужно побыть свободными, бесконечно обижаются, конфликтуют, меняют врагов и союзников, поддерживают друг друга в тяжелых ситуациях и собираются за огромным столом на Новый год. Во время общих с Сузанне завтраков Жанна особенно часто жаловалась на Катю, жену ее среднего брата, но Су понимала, что это лишь случайность. Со временем стрелки обид переместятся, как стрелки компаса, когда поворачиваешься – а Жанна, женщина занятая, глубоко семейная, с небольшой подработкой (три раза в неделю убирала кабинет одного психотерапевта), вертелась целыми днями.

Однажды, как раз сидели за кофе у Жанны, зазвонил в кармане мобильный телефон. «Ну, ты возьмешь?» – кивнула Жанна, потому что Сузанне замешкалась – ей звонили так редко, что она воспринимала телефон как маленький компьютер, позволяющий не распечатывать железнодорожные билеты, и не привыкла реагировать на мелодию. Ожидала услышать рекламщиков, маскирующихся под социологический опрос, – кто еще мог ей звонить?

Это был Патрик, причем Патрик пьяный. Никогда не подумала бы, что он умеет так хорошо пить. Сбиваясь и запинаясь, он сказал, что сейчас, прямо немедленно приедет, очень важно... Им необходимо встретиться. Сузанне, не говоря ни слова, отключилась и выключила телефон. Жанна не спрашивала, кто ей звонил, – она и не объясняла, но было досадно. Электронными адресами – да, обменивались, потому что электронная почта – штука безопасная, хочу – читаю, не хочу – не читаю, однако номер телефона она ему не давала. Вряд ли для него было сложным узнать – допустим, он мог посмотреть «свой» номер в ее аппарате, когда жили вместе. Не сложно, но некрасиво, не похоже на Патрика с его ровными-чистыми ногтями. Впрочем, почему не похоже? Если человек бил жену и детей, разве не мог он подсмотреть чужой номер телефона? Она взяла еще один кусочек торта с кремом, который Жанна

впервые попробовала испечь. (Как раз перед звонком говорила: новый рецепт, не совсем удачный – тесто тяжеловатое, но если попробовать немного меньше муки добавлять или, наоборот, меньше маргарина...) Сузанне нравился вкус, даже если тяжеловат. Хорошо: телефон Патрик мог достать, но не адрес, ее адреса не мог знать никто, так что никуда он не приедет.

К концу января они с Жанной стали официальными подругами, виделись несколько раз в неделю, однако Сузанне не знала ни мужа Жанны, ни кого-либо другого из родни, кроме шумных детей, на которых смотрела с опаской и недоумением (в глубине души почти поняла Патрика с его приступами гнева). Теперь все должно было измениться – Жанна пригласила ее на свой день рождения.

Собираясь, Су поняла, что по-детски беспредметно волнуется. Это было неожиданное чувство – едва помнила его из времен до отъезда. Прикидывала – что нужно надеть на такое мероприятие. Должно быть что-то нарядное, однако не блестящее барно-клубное платье. Но ведь и не повседневные джинсы? За день до даты специально прошлась по магазинам, но ничего не нашла: она не знала, что носят на семейных праздниках, потому что никогда не бывала на них. Все-таки надела джинсы и еще не ношенный (единственное его достоинство) сиреневый свитерок. Решила не краситься, чтобы привлекать как можно меньше внимания.

Острые детские голоса было слышно уже на лестничной клетке.

Вошла в гостиную и сразу поняла, что тайная надежда провести здесь приятный и необычный (для нее) вечер не оправдается. Много людей, выглядящих так, словно вырвались из ее детства. Давно таких не встречала. Не то чтобы непричесанные, а словно с размытыми контурами. Насыщенный запах человеческих тел. Все одновременно разговаривали и часто смеялись, общий уровень шума превышал шумовую планку рок-концерта.

Сузанне протянула Жанне подарок, приоткрыв футляр – внутри была белого золота цепочка с сапфировой подвеской. Этот подарок выбирала долго, любовно. Су очень нравились прозрачные камешки, внутренняя игра света, и она часто задерживалась у витрин ювелирных магазинов, рассматривая их. Но при кочевом образе жизни было бы глупым покупать украшения для себя – в поездах и отелях их слишком быстро украли бы. К тому же – куда носить? Жанна взяла и равнодушно поблагодарила, с одной стороны, вроде бы не заинтересовавшись подарком, с другой, радуясь приходу Су и (снисходительно) ничего особого от нее не ожидая. Приняла за бижутерию.

Проводила Су к столу, свободное место оказалось рядом с крупным мужчиной, каким-то дальним родственником. Рыжая прядь спускалась на его лицо, время от времени прикрывая ярко-синий глаз. Наверно, рыжего можно было назвать привлекательным, но Сузанне не нравился его слишком полный рот. Кроме того, не нравились его слишком свободные манеры. Несколько испуганная непривычной обстановкой, Су стала много пить и притворяться, будто алкоголь изменяет ее состояние (чего не происходило): вести себя раскованнее, вставлять свои фразы в общий разговор и рассказывать анекдоты. Правда, после ее реплик над столом на секунду повисала недоуменная тишина, а затем восстанавливался невозможный гам, и шутки не вызывали смеха. Впервые в жизни Сузанне попробовала салаты «оливье» и «шубу». Решила, что это съедобно, но все-таки у бабушки были веские причины таких блюд не готовить.

Сосед со славянскими манерами и немецким именем Фридрих (Сузанне не могла представить себе немца их поколения с таким пафосным именем) заботливо подкладывал ей салаты и называл ее Сусанночка, при этом его нижняя губа оттопыривалась. По части выпивки Фридрих ее опережал, и настал момент, когда его широкая ладонь оказалась у нее на колене. Порадовалась, что все-таки надела джинсы, и аккуратно, но безапелляционно убрала его руку.

То ли от еды и алкоголя, то ли от этой руки ее замутило, и она вышла из-за стола.

Прошла в ванную. Совмещенный санузел, окно открыто. Подошла к окну и вдохнула свежий воздух – тошнота прошла, но отвращение осталось.

За спиной скрипнула незапертая дверь. Она обернулась и увидела глупо улыбающегося Фридриха – воспринял ее исчезновение как приглашение. Не отвечая на улыбку, резко пошла к двери, но проскользнуть не удалось – Фридрих перехватил ее и прижал к себе. Попыталась высвободиться.

Промелькнула мысль: «Будет смешно, если это случится со мной здесь». Она знала, что при ее образе жизни она плохо защищена. Она никогда не боялась, но, как все женщины, опасалась. Она помнила темную комнату (потому что когда не включаешь свет, в темноте – тебя как бы нет) и крики, доносящиеся из-за стены. В темноте никакого сочувствия – потому что помочь ничем нельзя, и никакого страха – потому что от страха нет пользы. Опускаешь руки от ушей и думаешь, что хорошо быть умной. Но и это не дает гарантий. Она оставалась бдительной, как лесной зверь – везде. Кроме этой уютной, украшенной картинами из «Икеи» квартиры, где носятся по коридору стайки детей.

Боролась молча, без паники, с брезгливостью. Фридрих боролся неумело, сопя. Он был сильнее.

– Эй, че вы там вдвоем делаете? – спросили смешливо из коридора, Фридрих на секунду растерялся, она вывернулась и вышла. В коридоре поправила волосы. Из комнаты доносился гул голосов с отдельными резкими выкриками – спорили о политике. Сдержала нервный смех.

«Правильно, что это он – через пять минут после знакомства? Вы же не подростки. Подержи его, подержи на расстоянии подольше. Хоть на Валентина пусть что-то подарит! Промаринуй...» Сузанне обернулась на шепот и увидела подмигивающую Жанну, которая тотчас поспешила на кухню. Пазл сложился: место рядом с Фридрихом досталось ей неслучайно. Одиноким родственником. Одинокая соседка. Два одиноких сердца, так сказать. Жанна предполагала их соединить. Су услышала, как сработал слив в туалете, с шумом открылась дверь, Фридрих вышел и, не заметив ее, пошатываясь прошел в комнату.

А что, прикинула Сузанне, если доверить Фридриха хорошему фотографу, который выставит свет, объяснит, как поставить голову и улыбаться, куда смотреть, а заодно найдет место для больших и слишком подвижных рук, из этого Фридриха вполне можно сделать красавца голливудского типа. Синие-синие глаза без фотошопа. Только бы губу не оттопыривал.

Жанна в самом начале многозначительно обмолвилась, что он работает (что не разуме-лось само собой). Значит, сможет обеспечить семью. Суть была в том, чтобы сделать из них ста-бильную пару. Брак. Чтобы Сузанне родила несколько детей и Жанна наконец смогла общаться с ней на равных, как женщина с женщиной, а не как состоявшаяся женщина с одиноким бес-цельным существом. На таких условиях их дружба стала бы полноценной. И даже переросла бы в родство, думала, подтягивая замочек молнии на сапоге, тихо выскальзывая на лестничную площадку, поднимаясь к себе.

Дома в первую очередь включила ноутбук. За полчаса нашла и забронировала на три недели номер в гостинице маленького, до сих пор не известного ей городка с длинным назва-нием. Купила железнодорожный билет.

Нужно было доделать одну мелочь по работе, она начала было, но тут застыла, припом-нив диалог за столом: «А чем вы занимаетесь?» – «Иногда комбинациями цифр, но сейчас все больше текстами». – «Переводите?» – «Нет-нет, язык не так важен. Это совсем короткие тексты, но они оказывают влияние на здоровье... Это такой проект».

Она на самом деле это говорила? Или придумала только что? А даже если – какая раз-ница, пусть считают ее пиар-агентом, журналисткой, поэтом...

Закончив дела, всю ночь прибиралась. Выносила мусор в баки. Выносила ненужные объ-емные вещи в контейнеры «Красного креста», раз за разом. Окна Жанны светились до поло-вины двенадцатого, потом осталось только одно, кухонное – до трех ночи. Небо над домом затянуло мягкими сиреневатыми облаками.

К пяти утра не осталось никаких следов пребывания Сузанне в этом жилище. Только кое-какая старая мебель от прежних жильцов, бывшая здесь до нее. За квартиру придется платить до конца зимы, но это не слишком тревожило ее, она не привязывалась к деньгам чересчур – следила только, чтобы хватало на жизнь с ее удовольствиями и необходимостью движения. Другое беспокоило: приходится срываться среди зимы. Опасность холода. Но зима выдалась в этом году теплой, прогнозы оставались бесснежными.

Все, что она хотела взять с собой, поместилось в чемодан и рюкзак. Села на старый, уже ничем не застеленный диван. Засыпать не имело смысла – до выхода оставалось сорок минут. В поезде хорошо дремать. Утром удалось уйти незамеченной.

Дорога – совсем другой модус, все остается за спиной, но то, что впереди, кажется радостным. Асфальт перрона выскальзывает из-под ног, как беговая дорожка. Су идет быстро. Думает: «Только бы сохранялась хорошая погода». Это важно, когда добираться поездами. Если погода плохая, приезжаешь мокрой, вода стекает с волос, на одежде – темные пятна. Дело не в том, что быть мокрой неприятно, – быть мокрой неприлично, потому что неприлично, когда другие знают, что ты чувствуешь на себе воду. Водитель такси смотрит с подозрением, администратор в отеле с сочувствием. Она глушит в себе тоску по дождю, ведь любит уезжать в дождь, пытаться поймать взглядом путь капель, будто в каждой капле – сообщение сверху, от кого-то далекого и родного, кого здесь нет и быть не может.

Сегодня асфальт сух. Достает из рюкзака яблоко, откусывает. Зубы немного тянет, немного оскомины, но утешительная сладость еды. Бодрящая свежесть фрукта наполняет рот и душу. «Будет хорошая погода», – думает с разочаровывающей уверенностью. Садится на скамейку. Синее табло сообщает, что электричка опаздывает.

Большая негритянка в чем-то этническом, оранжево-коричневом, в такой же оранжево-коричневой чалме на голове, громко организывает своих троих черненьких ребятишек – на незнакомом языке, в котором изредка проскальзывают английские и немецкие слова. Как можно не улыбаться, глядя на черные торчащие косички и до голубизны белые зубы? Дети не слушаются, но они нравятся Су больше, чем дети Жанны. Если бы у Патрика были такие черные дети, никогда бы не дошло до пощечин.

Когда черные детки вырастут, им будет неприятно думать, что на них смотрели с умилением.

Бородатый мужчина опирается на чемодан. Выкинув в урну огрызок, Су ставит рюкзак себе на колени. Больше не смотрит на других, смотрит вниз, в темноту, на поблескивающие рельсы.

Через окно мчащегося поезда глядит на цаплю, без движения стоящую в пруду. Почему не взлетает – не слышит шума? И почему не улетела на юг? Или она вернулась? Это уже следующий поезд, уже через один, он увозит Сузанне из маленького городка с длинным-длинным названием, где встретила весну. Цапля неподвижно удаляется вместе со своим прудом и с голым, еще зимним деревом; надвигается черное поле, через поле бежит испуганная косуля. Поле, косуля – за цепочку ассоциаций Су вытягивает воспоминание.

Когда-то, вечность назад, Сузанне приехала в небольшой чужой город. Забыла забронировать отель. Нет, не забыла. В тот момент было мало заказов, критично мало – не хватало денег, но был коробок спичек в кармане. Стояла ранняя осень. Заперла чемодан в камере хранения и пошла по улице, ведущей от вокзала куда-то вниз. Шла вдоль проезжей части, и тротуар кончался, потому что кончался город, а проезжая часть шла дальше, и Сузанне шла дальше, но сворачивала в сторону, на узкую дорогу, мимо белых домов с большими ухоженными участками. Дорога становилась земляной дорожкой, продавленной колесами трактора, по сторонам темнели убранные поля. Сумерки незаметно перешли в густую ночь. Сузанне шла

над изрытой землей, в которой кое-где виднелись крупные клубни картофеля. Она вздрогнула, заметив силуэт впереди на дороге – как тень, но не остановилась. И когда поняла, что ее тоже заметили, не остановилась. Это был мужчина среднего роста. Вычислить возраст или разглядеть лицо в темноте было невозможно. Кивнув ей, мужчина сказал:

– Косуль не видно. Иногда они здесь бывают. Сейчас, наверно, поздно. А картошку уже убрали. Но у них комбайны дырявые – вон сколько осталось. Или отсортировывают некондицию.

Сузанне сразу почувствовала доверие к этому незнакомому человеку – опасений, логичных при знакомстве ночью в поле, не возникло. По-осеннему мягок был воздух.

– У меня есть спички, – сказала она.

В посадках, разделяющих поля, насобирали сухой травы и мелких веток, развели костер.

– Мне тоже негде ночевать, – сознался мужчина.

– Ничего. У огня тепло.

Клубни картошки были крупные и неровные, печь пришлось долго. Может, какой-то кормовой сорт или вовсе генетически модифицированная, выращенная на бумагу. В беспокойных бликах огня ей все не удавалось разглядеть лица случайного знакомого, но ей нравился голос и нравился запах – от него пахло древесным дымом еще до того, как они развели костер. Говорил он с легким шепелявым акцентом, Сузанне подумала, что польским, но не была уверена – у нее не было знакомых поляков. Что-то в его жестах, в небрежно переброшенном через плечо шарфе, да и в самом ужине под открытым небом подсказывало Сузанне, что это художник. Она спросила напрямую – он подтвердил (интуиция, совпадение или шутка?).

Пока картошка пеклась, Сузанне мучилась от голода, и когда наконец можно было есть – без соли, но с золой, горячую в озябших пальцах – впивалась в картофелины, как в счастье. Губы запачкались, стали черными.

Они болтали над тлеющими углями, потом легли по разные стороны кострища, от которого шло тепло. Рюкзак вместо подушки, сытость и тепло – и сладкое засыпание. Но когда угли остыли, стало жестко, и холод из земли пополз в кости – чувствовала сквозь сон. На рассвете не выдержала, встала. Думала, что не будет будить художника, тихо уйдет, но оказалось, что он ушел прежде нее, на земле не было видно даже места, где он спал. Размышляя над тем, можно ли внезапное доверие к чужому человеку объяснить любовью, отряхнула землю с одежды. Достала из рюкзака влажные салфетки и протерла лицо. Салфетка стала черной.

Рано или поздно он станет знаменитым и она узнает его по картинам... (вороны тоже просыпались, перекрикивались, внимательно рассматривали землю) ...тогда, быть может, они будут вместе, но пока что важнее другое: выпить горячего кофе. На кофе без молока и сахара деньги были. Поднималась к вокзалу по улице, по которой накануне спускалась. Дома оживали, засвечивались лампочки в кухнях – за окнами завтракали семейные люди. На вокзале выпила кофе и села в следующий поезд, который должен был отвезти ее в следующий город, где ждала зарезервированная дешевая комнатуха в некоем скорее общежитии, чем отеле.

В поезде согрелась. А через несколько дней пришел денежный перевод, которого давно ждала. Сколько времени прошло с тех пор?

Сейчас кажется странным, что счет мог быть пустым, что можно жить, не будучи подстрахованной сбережениями.

Воспоминание, уже проигранное по третьему кругу, резко прерывается, потому что поезд останавливается. Сузанне не любит, когда поезд стоит. Выглядывает в окно – темно. В стекле отражаются сидения, пассажиры, за стеклом едва угадывается внешний мир. Видно спускающиеся по холму огни, они время от времени пропадают за качающимися кронами, потом опять возникают.

Стоянка долгая, не станция – неполадки, однако не в их поезде, а в общем движении, объяснил машинист. Так бывает всегда: если один поезд по какой-то причине – из-за поломки

или чьей-то попытки самоубийства – сбивается с расписания, сбивается вся система. Поезда раз за разом пропускают друг друга, проезжают мимо станций, запутываются и безнадежно опаздывают. Плохо, если планировалась пересадка, – ушедший поезд, пропущенное время не нагнать, придется долго ждать на вокзале, возможно, всю ночь. Но Сузанне не тревожится – в таких ночах нет ничего страшного, кроме количества кофе, зато утро приходит как воскресенье: с чистого листа расписание соблюдается безоговорочно, вчерашние поломки устранены и самоубийцы экстренно социализированы.

В вагоне душно. Сквозь темное небо заходит на посадку самолет, совсем низко – значит, аэродром недалеко. Луч прожектора проходит сквозь стекло, гул, цветные блики. Скользнув взглядом по вагону, Сузанне замечает, что все пассажиры в упор смотрят на нее. Расширенные глаза. Застывшие зрачки. У женщины напротив вздрагивают губы.

Отворачивается к окну. Она, что ли, виновата, что поезд стоит? Свет слепит, но гул самолета затихает, огни исчезают. Неподвижный вагон тих – ни шепота, ни шелеста страниц или пакетов.

Простояв полчаса, поезд наконец тронулся. Сузанне включила ноутбук – сегодня еще ни разу не проверяла почту. Боковым зрением заметила, что женщина напротив читает книгу и остальные попутчики, кто не впал в дорожный транс, занимаются мелкими путевыми делами: листают сообщения, играют на телефонах, слушают музыку, едят бутерброды, студент делает пометки в ксерокопиях научных трудов, пожилая дама вяжет. Все как всегда.

Новое письмо от Шурца. Давно он не писал. «Еще один заказ, хорошо», – подумала Сузанне – но письмо было без вложений и совсем короткое: «Привет, Сузанне! Как у тебя дела? Если у тебя есть возможность, приезжай, пожалуйста, ко мне. С наилучшими приветами...»

Она тревожно удивилась. Зачем приезжать? Привыкла большую часть дел решать по мейлу, но официальная часть писем приходила на адрес Шурца – он сканировал их и пересылал. Проблемы с налоговой? Ответила: «Напиши, пожалуйста, в чем дело!» И тоже – сердечные приветы...

Отель в этом городе пришелся ей по душе – в старом фахверковом здании. Стильный. Вообще на удивление красивый городок с уютной площадью, окруженной домами шестнадцатого века (строители не забыли написать на балках *Anno Domini* – год Божий – и прибавить нравоучения).

Поднялась на лифте, по пыльной красной дорожке затащила чемодан в номер. Теперь можно расслабиться. Достала из рюкзака сок, печенье, включила ноутбук – толком не решив зачем – музыку послушать, что ли, развешивая вещи на плечики? Нашла в чемодане свой маленький – специально для путешествий – утюг.

Двери шкафа были зеркальными. Стала напротив зеркала, держа в руках футболку. *Бабушка стоит возле зеркала. В зеркале отражается комната и женщина с сиреневыми волосами, аккуратным нимбом поднимающимися над высоким лбом. Поверхность зеркала – поверхность воды. Через зеркало течет время, отчего поверхность мнется, покрывается рябью. Бабушка становится старше, становится больной, почти лысой, в смятой постели, но сквозь измученное лицо просвечивает личико младенца – головка тоже едва прикрыта мягким пушком. Бабушка продолжает меняться, становится аккуратно сложенными в земле косточками, сквозь которые просвечивает лицо девочки с бантами – бабушка в детстве, Сусанка в детстве.*

Су задумывается: ее бабушка была, собственно, папиной или маминой мамой? Наверно, папиной. Но ей этого никто не говорил. Просто так солиднее. По отцу. Вот картинка – родители вдвоем на море. Молодые, красивые. Похоже, это не живое воспоминание, а одна из афиш, висевших на здании кинотеатра, мимо которого бабушка водила ее в танцевальный кружок.

Бабушка никогда не говорила с ней о родителях. Неужели она не спрашивала? Возможно, Сусанна задала вопрос по дороге на танцы, и бабушка, вытянув руку сквозь летнюю светящуюся пыль, указала на афишу с морем и спросила: «Они тебе нравятся?»

Еще одна классическая фигура, на которую в ее детстве не было и намека, – дедушка. Иногда к бабушке приходили солидные мужчины в костюмах. Бабушка запиралась с гостем на кухне, они пили чай с тортом. Кусочек торта передавали и Сусанке в комнату. Иногда гости даже оставались ночевать, но никто из них не мог быть дедушкой. Называть их следовало по имени-отчеству.

Звонок мобильного отвлек, положила футболку на кровать, взяла телефон.

Ведь можно было внести номер в черный список, а она об этом не позаботилась! Снова звонил Патрик. На этот раз он был трезв, так что Сузанне не отключилась, поздоровалась вежливо, собираясь как можно скорее так же вежливо попрощаться.

Патрик сказал, что ходит к психологу. Да, он решился, обратился к психологу. Первого сеанса пришлось ждать два месяца – психологи сейчас перегружены, особенно если оплачивает страховка, а он не мог себе позволить оплачивать в частном порядке, учитывая проблемы с поиском работы. Но оно того стоило. Теперь он все понял. И причины проблем с женой, и своего безответственного поведения, которое привело к увольнению. Но теперь он может попытаться все восстановить. Возможно, Моника к нему вернется, кто знает. Особенно дети. Ему так не хватает детей, он так по ним скучает. Он уверен, что сможет восстановить семью: Моника очень серьезно восприняла его обращение к психологу, она назвала это «жестом доброй воли». Он уверен, что после терапии у него не будет вспышек агрессии, у него уже сейчас большой прогресс. Нужно было просто разобраться с прошлым. Ему объяснили, что его проблемы кроются в детстве. Ян – это шанс, который был ему дан, но который он не использовал вовремя. Да, терапия – дело долгое, может затянуться на годы, но оно того стоит.

Сузанне терпеливо выслушала речь. Время от времени Патрик переспрашивал, проверял, слушает ли она еще. Наконец, несколько раз все повторив, он замолчал. Сузанне, выждав пару секунд и поняв, что теперь ее очередь подать реплику, сказала:

– Спасибо за звонок. Я очень рада, что у тебя все наладилось.

– Я вот почему звоню, – добавил он менее уверенно. – Ты знаешь, это на самом деле помогает. Может, тебе тоже стоит обратиться к психологу?

– Мне? Патрик, когда у меня был муж, я его не била.

– Я серьезно.

– И мне бы не хотелось, чтобы ты мне звонил. Я не знаю, где ты достал мой номер, и мне это не интересно, это можешь рассказать своему психологу. Но я не хочу, чтобы ты мне звонил. Понимаешь?

Звонок испортил настроение, и Сузанне почти автоматически открыла рабочие файлы в ноутбуке. Как ни странно, плохое настроение помогало работе – давало необходимую энергию. Без этого звонка она наверняка отдыхала бы до полуночи, валяясь в кровати с печеньем, соком и книгой.

В половине первого, снова вспомнив о неприятном звонке, подумала, что жизнь нелогична – было бы логичнее, если бы звонил не Патрик, который не должен был знать ее номера, а Шурц, потому что у Шурца ее номер есть. Кстати, на мейл Шурц не ответил. Хотела было набрать, но, посмотрев на часы, только хмыкнула.

Весь следующий день пыталась дозвониться до Шурца – и на домашний, и на мобильный. Только длинные гудки. Через день звонила каждые полчаса – с тем же результатом. «Что за год такой, опять деньги на ветер», – думала об оплаченном на четыре недели вперед номере, шагая по пешеходной улице к вокзалу, чтобы купить билет. Улица была почти пустой.

II

Дом Шурца – грязно-кремовый. Хороший, еще не старый трехэтажный дом, перед входом маленький фонтан и белая лавочка. Сухой фонтан засорен ветками и листьями, лавочка в дождевых пятнах.

Су глубоко вдохнула. Запущенно – это очевидно. Запущенность вызвала в ее сознании другую картину – их квартиру, последние месяцы бабушки. Тряпки на полу.

Здесь тряпок не было. Был серый носок и серый запах – не тот, что в их квартире, но еще более мерзкий, с примесью дезинфекции. Этот запах ударил в нос, когда Шурц наконец открыл ей – ждать пришлось долго.

Су бросилась ему на шею. Они так крепко обнимались впервые, он кашлял и что-то говорил.

Ком в горле, сглотнула, Шурц – единственный человек, с которым она поддерживала связь все годы в этой стране. Эфемерную связь – короткий деловой мейл, денежный перевод. Прошла в дом за ним. Вот мужчина, о котором некогда думала, что он хочет ее. Шла за шаркающим стариком и пыталась сосчитать года, которые его высушили. Сколько ему сейчас, сколько было тогда? Тогда седина была элегантной.

Маленькая кухня, хорошая мебель и техника – и на всем, как мох, слой грязи. Вопрос вертелся на языке – почему бы Шурцу не нанять кого-то, кто будет прибирать или, еще фатальнее, кто будет ухаживать за ним? Они не пересаживались в столовую. Сдержалась, не унизила его, выхватив из рук чайник, хотя смотреть, как опасно вздрагивает его слабая рука – вот-вот упустит и ошпарится – было неприятно. Мысленно перекрестилась, когда подготовка к чаепитию закончилась, осталось лишь смутное беспокойство, что Шурц опрокинет на себя чашку.

– Видишь, я тут не в лучшей форме, – хохотнул он.

– Вижу, – согласилась Су.

– Время... Тебе надо за молодость держаться. Ты как вообще?

– Отлично. Как обычно.

– Я в тебя верил, всегда... Мне с тобой надо будет поговорить, важное дельце, но это после. Сейчас просто поболтаем. Расскажи, как ты живешь. Ты замуж больше не выходила?

– Нет. А если хочешь признаться, что сам придумывал мне типа как заказы и оплачивал мою работу, – я знаю. Зря ты беспокоился – у меня достаточно реальных клиентов.

Шурц неожиданно громко засмеялся – Су сжалась, будто он мог рассыпаться от этого смеха.

– Нет, я не о том... Дела потом, завтра. Я рад тебя видеть, старая подруга!

– И я рада тебя видеть.

Кажется, не расслышал. Сузанне откашлялась – он не отреагировал. Шурц смотрел вниз, будто не слушал ее, а давно дремал. Она отхлебнула чаю и взяла жесткое печенье, оно царапнуло язык. На какое-то время перестала обращать внимание на Шурца, пила чай – давно она не баловалась настоящим чаем. Взгляд упал на срок годности на разорванной упаковке печенья – истек год назад.

– Так ты больше замуж не выходила? – вздрогнула, когда Шурц спросил во второй раз, и улыбнулась:

– Нет, конечно. Кто мне нужен, кроме тебя?

Он снова захохотал небезопасным для целостности тела смехом.

– Девочка, в тебя стоило верить! Я, к сожалению, уже не тот и разобраться не успел. Но я все оставляю тебе, и я знаю – ты доберешься до сути. Я нередко заглядывал в твои тексты: в тебе есть редкое сочетание креатива и дисциплины – и то и другое ярко выраженное. Но дело

не в этом... Дело в твоей природе. Послушайся моего совета: брось эту ерунду, твои тексты. Не распыляйся по мелочам, я знаю, ты – можешь достичь понимания. Дойти до сути.

– Если бы мне еще кто-нибудь платил за суть, – усмехнулась она.

– И как же я тебя нашел и вытащил, а? Бинго! Еще когда твои первые работы получал, я понимал – ты единственная из всех... Не ошибся. А они не настоящие были, так – обычные найденыши.

Остро, с неожиданной болью пронзила ностальгия по временам обучения. Из всех соучеников сейчас узнала бы лишь Пама, но вспомнила, что в те времена каждый день с кем-то разговаривала, а не только писала мейлы и рассматривала лица прохожих на освещенных фонарями улицах.

Как с телом: бывает, без болезни и травмы, по ошибке стрелнет, сильно заболит где-то внутри и пройдет через секунду – так и ностальгия прошла. Но они затронули общую тему и дальше легко говорили о днях, когда она могла видеть в Шурце потенциального любовника (в этом не призналась).

Потом он рассказывал о своей жизни до их знакомства. О послевоенном голодном детстве, о старшей сестре, плевавшей в его тарелку, чтобы забрать себе его порцию – она росла, для нее пришло время полнеть, а он оставался низкорослым и худым и таким же злым, как их мать. О чужом человеке с впалыми щеками, появившемся внезапно, о криках и пощечинах матери: как смеет он не признавать вернувшегося отца. О чуде: после развода мама стала доброй, нашла им мягкосердечного отчима, невесть откуда появилось много еды – для него, для сестры, для всех, и даже конфеты и мороженое. И венцом творения – автомобиль. Чудо называлось экономическим. О бездетном неудачном браке, разбившемся о его карьеру.

Рассказывал, что в конце войны было много сирот, и никто больше не интересовался их родителями. Что у него был друг, они вместе сбегали на целый день в овраг. Этот друг мог делать удивительные вещи и утверждал, что у него вообще никогда не было родителей. После попал в приют. В шестидесятые Шурц предпочитал думать, что тот мальчик был евреем, – это поднимало самооценку. Хотя что он тогда мог понимать? Может, этот друг вообще был выдумкой и он сидел в овраге один, зажимая уши от грохота бомбежки? Сейчас не может вспомнить. Больше Шурц не дремал, не отключался, и Сузанне перестала воспринимать его как старика. Как долго она ждала собеседника, со сколькими пришлось спать и пить, прежде чем нашла!

Они расстались за полночь, Шурц извинился, что не покажет все лично, и махнул рукой в сторону ванной и гостевой комнаты – пользуйся, укладывайся. Она приняла душ – грязно, но в отелях она видела ванны и похуже. В гостевой комнате кровать была застелена чистым бельем, однако, похоже, много лет назад. Постель пахла стиральным порошком и сыростью. Открыла окно – спертым воздухом невозможно дышать. Засыпая, приняла решение: она останется тут.

Перед рассветом проснулась от пения птиц в саду. Улыбнулась. На самом деле не пение – верещание, писк, треск, пощелкивание, курлыканье – все воображимые живые звуки. Сузанне поднялась, умылась и переоделась, спустилась на первый этаж. А дальше все пошло само: сначала почти рефлекторно отнесла валявшиеся посреди коридора тапочки в обувной ящик, потом еще пару мелочей переложила, открыла окна – проветрить. На то, чтобы вычистить все, у нее не было времени и разрешения хозяина, но легкая уборка и свежий воздух сделали дом веселее. Помыла кухню – теперь здесь можно есть без отвращения. Долго драила кофеварку, но не нашла кофе. Накинула куртку и после короткого сомнения решила, что имеет право взять ключ. В конце концов, на почтовом ящике значится и ее фамилия. Заодно вынесла мусор.

На улице, между рядами домов было тихо, только изредка выходил сонный школьник или выезжала из гаража машина. Раннее солнце пахло травой. Ухоженные сады и клумбы сливались на ходу в импрессионистские полотна. Сузанне шла легко и напевала, чувствуя, что начинается другая, новая жизнь, что этот дом – теперь ее дом и что в ее жизни появился человек,

которому она нужна. Будет нужна. Ее не пугала перспектива ухаживать за больным стариком – если это цена за то, чтобы обрести свое, по-настоящему свое место в жизни. В супермаркете она купила упаковку кофе, джем и масло (то, что было в холодильнике, выбросила), у пекаря купила свежие булочки.

Возвращаясь, думала, что теперь эта улица станет ее улицей – не так, как раньше, на пару недель или месяцев. Может быть, на всю жизнь.

Вернувшись, включила кофеварку и села у окна. Аромат наполнил кухню. Расставила тарелки и чашки, снова села. Когда Шурц спустится, все будет готово. Кофейник наполнился, кофеварка затихла. Су положила пакет с булочками – они еще сохраняли тепло – в центр стола. Распаковывать пока не хотела, чтобы не теряли свежесть. Положила ножи, поставила джем и масло. Снова села у окна. За мутноватым стеклом шумная стайка воробьев налетела на куст, верещала, суежилась. На земле лежали подвявшие тюльпаны, никто не срезал их. Мягкий свет ласкал растения и ресницы.

Подняла взгляд на часы – без пяти десять. Подумала, что это ерунда, часы стоят, но на микроволновке – тоже без пяти десять. Воробьи улетели. По улице кралась трехцветная кошка, выгибая спину.

В половине одиннадцатого Сузанне поднялась по лестнице и остановилась под дверью спальни Шурца. Прислушалась. Тихо позвала: «Пауль». За дверью было тихо.

Спустилась. Желудок потихоньку начинал ныть от голода, но она не хотела отказываться от совместного завтрака, к которому так тщательно подготовилась. В одиннадцать снова поднялась, осторожно постучала. Тишина. Толкнула дверь.

Шурц спал в своей постели, ярко освещенный солнцем – шторы не были задернуты.

– Пауль!

Он не проснулся. Сузанне подошла ближе и легонько погладила его руку.

– Пауль, двенадцатый час! Нас ждет завтрак!

Она уже поняла, что Шурц не живой, но еще сказала:

– Я булочки купила, кофе сварила... И ты хотел что-то обсудить.

Только потом отскочила к стенке, охнула и прикрыла рот рукой.

Через пару минут еще раз попробовала разбудить Шурца – надеялась, что ей показалось, хотя все было ясно.

– Подожди... – сказала ему или себе, пошла в гостевую, но не нашла там своего телефона, побежала по лестнице вниз, телефон был в куртке, в кармане. Наконец набрала 112.

Услышала женский голос. Попыталась объяснить. Она в гостях. А хозяин спит и не просыпается. Может быть, он без сознания или в коме. Возраст? Точно не знает. Не молодой. Звучало неубедительно, но ей сказали, чтобы она не волновалась, что приедут.

Поднялась в спальню Шурца и сказала: ну вот, скоро приедут. Сузанне успокоилась, села на стул в углу. Кажется, прошло полдня, прежде чем с улицы послышалась сирена. Сбежала по лестнице, бормоча: «Это называется “скорая”?»

Вошли. Поднялись. Констатировали. Вы ему кто? Знакомая.

Сильно хотелось есть, хотя стыдно есть в день, когда кто-то умер. Мазала булочку маслом, сверху джемом. Запивала остывшим кофе.

Племянница Шурца приехала на следующий день. Это была немолодая худая брюнетка с поджатыми губами, глубокими морщинами и темным макияжем. Она смотрела на Сузанне как на редкое насекомое и время от времени делала вид, будто не понимает ее из-за акцента. Вероятно, она считала Сузанне юной меркантильной любовницей дядюшки, что даже немного льстило – юность-то уж лет десять, как ушла. Сузанне с ней тоже не церемонилась, временами слегка хамила, но не увлекалась. С каким-то странным злорадством думала, что племянница эта – наверняка дочка той коровы, плевавшей в тарелку голодного брезгливого брата. Су про-

должала жить в комнате для гостей. Ей нравился вид на сад. Она уже знала, что по завещанию дом остается ей, и никаких сомнений или возможностей изменить этот факт у племянницы нет.

Сузанне вытерпела длинные похороны, где о ней перешептывались, а она ни с кем не перекинулась ни словом. В последующие дни занималась документами – эти дела привыкла содержать в порядке. Разобралась с наследованием, налогами, оплатой коммунальных услуг и вывозом мусора. Организовала мелкий ремонт. Фонтан демонтировали, на его место положили лужайку из искусственной травы – Сузанне не собиралась проводить время с внешней стороны дома, а искусственная лужайка по крайней мере выглядела прилично. Наняла людей, которые помыли окна и взяли на себя еще кое-какие хозяйственные дела. Немного, без энтузиазма, позанималась садом. Подсчитав, во сколько обойдется покраска фасада, отложила это дело.

Пылесосила сама – все комнаты, которых было слишком много для одного человека. Дом явно предназначался для семьи с детьми – видимо, Шурц приобрел его, когда еще надеялся на семью-как-из-рекламы. Должно быть, печально в таком доме жить одному. Впрочем, будет время узнать.

Наконец, разрешив все дела, вошла в рабочий кабинет Шурца. С чистыми окнами и протертыми жалюзи кабинет не выглядел чужим или запретным, так что она включила компьютер, а пока он загружался, вытянула один из многочисленных выдвижных ящичков. Шкаф с такими ящичками занимал целую стену, чем-то это напоминало библиотеку ее детства, только здесь были не карточки, указывающие на книги, а целые досье, указывающие на людей. Кое-где с фотографиями – старыми, аналоговыми, как и сама картотека.

Новые хранились в файлах компьютера. Названия папок и документов были, очевидно, сокращениями. Сузанне их не понимала и открывала все подряд, пока что не имея представления, для чего эта информация о людях разных поколений, профессий, языков, стран. Через пару часов заскучала и устала. Даже промелькнула мысль: «Ясно, почему от него ушла жена». Не хотелось думать о Шурце, которого уважала, как о сумасшедшем, но был какой-то душок у этого коллекционирования чужих данных.

Проверила его почту (пароль был сохранен) – масса непрочитанных писем. Среди них четыре от нее самой.

Открыла очередной вордовский документ – и наконец наткнулась на что-то иное, не досье. Текст. Чем он должен был стать – статьей в газету? Письмом?

«Я обратил на это внимание в контексте одного фармакологического проекта, подробно-сти которого не имею права разглашать (и которые в данном случае не играют ни малейшей роли). Скажу только, что это исследование было связано с наследственностью, но, несмотря на все усилия, мне не удалось найти никаких родственников испытуемого. На первый взгляд не редкость – мало ли людей воспитываются приемными родителями. И все-таки какая-то часть найденшей остается совершенно необъяснимой. Я фиксировал немало таких случаев. И особая их примета – повторяемость. Да, еще: я много раз ошибался, но если о настоящих – они попадались в лесу. Всегда. И – повторяемость».

Потом был запутанный абзац, смысл которого Сузанне не поняла, хотя перечитала три раза, а потом более ясный:

«Кто эти дети, то есть эти уже взрослые люди? Какие у них могут быть особые способности, или у них нет никаких особенностей? Мной лично проведенные некоторые пробы показывают, что скорее есть, но здесь необходимо полномасштабное исследование с контрольной группой, а провести его у меня как частного лица нет возможностей. Но, главное, знают ли они сами о своем внеземном происхождении? Осознают ли? Что они вообще думают? И кто их подкинул нам? С какой целью?»

Дальше совсем другое:

«Нужно учесть все возможные последствия огласки. Американская пропаганда в виде голливудских фильмов приучила нас видеть во всем чужом врага, готовящегося захватить

Землю. Мое общение с подкидышами показывает, что среди них случаются очень приятные люди. Но вспышки расизма и ксенофобии, а также агрессии неизбежны при огласке. А для чего их нам подкидывают и кто – я понятия не имею, но одно ясно: родителей нет и не было никогда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.